

Евгений Михайлович Кожокин

Французская буржуазия на исходе Старого порядка

Сб. **Буржуазия и Великая Французская революция /**

Гусейнов Э.Е., Кожокин Е.М., Ревякин А.В., Туган-Барановский Д.М.

М.: изд-во Моск. ун-та. 1989. 216 с. – С.15-50.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*

В настоящее время наметился определенный разрыв между социальными теориями французской историографии с одной стороны и социологии с другой. Неоконсервативные настроения затронули исторический цех в большей степени, чем их коллег соперников из числа социологов. Так, историки особенно преуспели в избавлении от понятия «общественные классы».

Было бы абсурдно отрицать глубокую трансформацию классов на протяжении их истории. Изучением этой трансформации в значительной степени и занята современная французская социология. Историография, почерпнув из социологии понятия «элита» и «маргинальные группы», абсолютизировала их познавательное значение. Из исторического процесса аннигилируется, в частности, понятие класс буржуазии. В исследованиях по французской истории XVIII и даже XIX в. действуют нотабли, финансисты, банкиры, просвещенческая элита, а буржуазии нет. Будто само слово буржуазия не употреблялось французами XVIII в.!

Устранение из прошлого специфических для него понятий всегда ведет к искажению этого прошлого. Произвольное манипулирование терминами – одна из опасностей, подстерегающая историка, стремящегося в силу тех или иных причин к обновлению понятийного аппарата. А именно произвол менее всего терпим в историческом исследовании.

Внимание к языку, к духовному миру людей прошлого обуславливает специфику подхода к изучению пути формирования французской буржуазии в предреволюционную эпоху, помогает проследить социальный процесс не только в его естественноисторических, объективных проявлениях, но и в формах его осознания как теоретиками, так хотя бы отчасти и массами.

1. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

Европейский феодализм только при сравнении с капитализмом выглядит неподвижной системой. Синхронное сопоставление с восточными обществами позволяет обнаружить его динамизм, изменчивость, в которой проглядывает определенная тенденция. Возникавшие в его недрах инородные элементы долгое время абсорбировались, но процесс поглощения не проходил бесследно для самой систем, она изменялась, становилась в чем-то инородной своему прошлому состоянию.

Становление капитализма – всеобщий процесс, в который втягивались все социальные слои и группы страны: негоцианты, торговцы, ремесленники, крестьяне, духовенство, дворяне, даже сам король. Но были протагонисты и аутсайдеры капитализма. **Одна из сложностей понимания истории становления буржуазии в том, что процесс «обуржуазивания», приобщения властвующей элиты, всех имущих к капиталистическому духу, к капиталистической культуре происходил особенно интенсивно. Сравнительно недавнее открытие этого феномена толкнуло часть западных историков к его абсолютизации: они противопоставили капиталистическую элиту консервативной народной массе, о буржуазии как классе перестали говорить, будто протагонистов и аутсайдеров капитализма внутри элит, среди имущих не было. Но ведь именно протагонисты и составили класс буржуазии во всех его ипостасях: экономической, социальной, политической, духовной.**

Анализ социальной жизни XVIII в. затруднен тем, что привычные с XIX в. термины и понятия нередко имели в XVIII в. иные значения. К тому же они никем не были сведены в систему, хотя о классах, буржуа, буржуазии, капиталистах писали и говорили повсюду. Попытаемся распутать клубок представлений и реалий, связанных с процессом формирования и развития класса буржуазии на исходе старого порядка.

Понятие общественного класса может иметь операционное значение при интерпретации многовекового (начиная с эпохи первобытности) разделения общества на богатых и бедных, эксплуатируемых и эксплуататоров, людей умственного труда и людей физического труда. Но помимо этого членения докапиталистические общества всегда имели свои специфические формы организации, которые всегда были особенно значимы для высших слоев. Варны, касты, сословия несводимы к классам и невыводимы из них. Об этих специфических формах организации всегда знали сами люди, их создавшие и в них входившие. Эти формы фиксировались в праве обычном или писаном. Они могли выступать при определенных обстоятельствах в качестве субъектов исторического действия.

Во Франции классы как реальность общественного сознания людей возникают в XVIII в., хотя термин «класс» получал социальное звучание иногда и в XVII столетии.

Абсолютистское государство, подчиняясь экономической необходимости, невольно способствовало разрушению сословий и вынуждено было, прежде всего в фискальных целях, вводить новые социальные разграничения.

В 1695 г. все французское общество было разделено королевской декларацией на 22 класса. Деление имело сугубо фискальную направленность и было вызвано тяжелейшим финансовым положением королевства, но факт остается фактом. Король, исходя из государственных интересов, отчасти презрел сословное деление. Так, к первому классу были отнесены дофин, другие принцы крови и генеральные откупщики, в десятом фигурировали знатные дворяне, нотариусы, банкиры и т.д. Классом в декларации называлось объединение людей, наиболее близких «по профессиональной деятельности, статусу и качеству». Аморфно и малопонятно. Тем не менее это официальное освящение нового фискально-социального членения общества было симптоматичным.

Но классы невозможно создать государственным императивом. Они формируются спонтанно. Для их образования необходимо не принуждение, а свобода от него. Новый тип разделения труда, порождаемый капитализмом и порождающий капитализм, лежит в основе процессов классовобразования.

Не слово, не термин, а понятие «класс» («общественный класс») возникает под пером политэкономов. Это понятие рождается при анализе производительного труда. Всерьез о классах первыми во Франции заговорили физиократы. Нация, считал основатель этой наполовину школы наполовину секты доктор Кенэ, состоит из трех классов граждан: класса производительного, класса собственников и класса бесплодного. К первому относятся все лица, занятые обработкой земли. Создаваемое ими богатство распределяется на чистый продукт, или доход, и на средства для возмещения производственных затрат, в свою очередь распадающиеся на первоначальные издержки и ежегодные издержки. Первоначальные издержки, по существу, являются эквивалентом понятия «основной капитал», ежегодные — эквивалентом понятия «оборотный капитал». Класс собственников, отмечает Кенэ, включает в себя государя, землевладельцев и получателей десятины, его существование обеспечивается получением чистого продукта. Бесплодный класс образуют граждане, занятые всеми видами неземледельческого труда, т.е. рабочие, ремесленники, торговцы, негоцианты, все предприниматели. Разбивая общество на специфические классы, Кенэ исходил не из принципа разделения труда, а из характера распределения в обществе продукта, произведенного в земледелии. Взаимоотношения между классами выступали у него не в качестве естественной, «богом данной» кооперации, а в качестве постоянно повторяющегося акта купли-продажи. Таким образом, согласно концепции Кенэ, общество представляло собой огромный саморегулирующийся рынок, из сферы его действия выпадало только самое первичное отношение между производительным классом и классом собственников. Вопросом происхождения и законности земельной ренты Кенэ не занимался, тезис о законности платы за пользование земельной собственностью он принимал как нечто само собой разумеющееся.

Всеобщность рынка была осознана Кенэ в самом первом приближении. Природу экономических отношений внутри выделенных классов он не рассматривал.

Теоретическую условность трехклассной схемы Кенэ в значительной степени преодолел (сам, впрочем, полностью не осознав того) А.-Р.-Ж.Тюрго. Трудно выявить точное соответствие между общественным развитием и движением экономической мысли, объяснить, почему Тюрго оказался способным синтезировать концепции двух политэкономических традиций, представленных в первую очередь именами доктора Кенэ и почетного интенданта торговли Ж.-К.-М.Венсана де Гурнэ. Но очевидно, что движение экономической мысли является органической частью общественного движения и процесс классовобразования невозможно представить, абстрагируясь от форм осмысления этого процесса в теоретическом сознании.

В 1766 г. Тюрго написал свою самую знаменитую экономическую работу — «Размышления о создании и распределении богатств». Исходные его построения почти не отличаются от концепции Кенэ. Ключевой тезис Тюрго: «Труд земледельца — единственный труд, производящий больше того, что составляет оплату труда. Поэтому он единственный источник всякого богатства». В соответствии с этим Тюрго считал, что общество разделяется на три класса, но гораздо больше, чем Кенэ, интересовался проблемой разделения труда. И хотя он в духе своего времени апеллировал к «природе вещей», его экономическое мышление было не лишено стихийного историзма. Поначалу, согласно концепции Тюрго, разделение труда приводит к возникновению двух классов. Первый класс «своим трудом... извлекает из земли богатства, постоянно воспроизводящиеся, доставляющие всему обществу средства к существованию и материалы для удовлетворения всех других потребностей; второй (класс) занят тем, что обрабатывает произведенные материалы и придает им формы, в которых они становятся пригодными для использования людьми; (этот класс) продает свой труд первому и получает от него в обмен средства существования». Но с возникновением собственности и неравенства происходит отделение землевладельца от собственника: возникает третий, «незанятый» класс, впрочем, также, по Тюрго, имеющий свое место в системе разделения труда. «Класс собственников, единственный, который, не будучи привязан к какому-либо особому труду необходимостью добывать средства к существованию, может быть призван к несению (таких) общественных обязанностей, как воинская и исполнение правосудия; (он может выполнять их) либо личной службой, либо выплачивая часть своего дохода, на который государство или общество нанимает людей для выполнения этих обязанностей». Но эти виды деятельности собственников не очень интересовали Тюрго. Способы получения дохода — вот проблема, которая более занимала его ум.

В соответствии с этим своим интересом Тюрго рассмотрел следующие способы извлечения дохода из земельной собственности: эксплуатация наемных работников, рабов, сервов, исполщиков и сдача земли в аренду. Но он не замыкался на политэкономическом анализе сельского хозяйства. Возможность получения дохода Тюрго усматривал и в других сферах. От анализа земли как источника богатства он шел к анализу движимого имущества, которое периодически называл капиталом. Более того, он сделал вывод, что «движимые богатства составляют необходимое предварительное условие всех прибыльных работ».

Движимое имущество, писал Тюрго, выступает в роли функционирующего капитала, который распадается на авансы на постройку здания, средства на закупку материалов и на заработную плату рабочим (постоянный и переменный капитал по К. Марксу). Промышленный или бесплодный класс оказался разделенным надвое, распался на два разряда: на предпринимателей-мануфактуристов, хозяев-фабрикантов, обладателей больших капиталов, которые они употребляют для получения прибыли, и на простых ремесленников, которые не имеют ничего кроме своих рук, которые авансируют предпринимателям только свой ежедневный труд и прибыль которых сводится к заработной плате. Но тут же обнаружилась частичная идентичность промышленных и сельскохозяйственных предпринимателей (арендаторов) с политэкономической точки зрения. «Владельцы крупных капиталов, стремящиеся извлекать из них доход путем вложения в земледельческие предприятия, берут земли в аренду, дорого платят собственникам за наем и принимают на себя обязательство совершать все предварительные затраты на обработку. Их участь должна быть схожей с участью предпринимателей-фабрикантов: как и последние, они должны совершить первые вложения в предприятие, обеспечить себя скотом, лошадьми, пахотными орудиями, купить первые семена; как и фабриканты, они должны содержать и кормить возчиков, жнецов, молотильщиков, слуг, рабочих всякого рода, которые обладают лишь руками, авансируют только свой труд и добывают лишь заработную плату».

Капитал, приносящий доход, Тюрго обнаружил также в торговле и в кредитном деле. Соответственно капиталистами оказались в его представлении также торговцы и заимодавцы (банкиры, рантье, буржуа). Отметим попутно, что торговцев он дифференцировал только с технической точки зрения, а не политэкономической. Ему казалось, что и розничный торговец, и крупный негодант равно получают прибыль, пропорциональную капиталу каждого из них.

Итак, Тюрго выдвинул концепцию классово-структурной, принципиально отличную от физиократической схемы. Но он не сумел оценить своего собственного открытия. Ему казалось, что его рассуждения о способах употребления капитала вполне вписываются в трехклассную систему Кенэ. Единственное сомнение у него вызвал вопрос о месте в ней «капиталистов, отдающих деньги в займы». Это сомнение Тюрго разрешил, отнеся их к незанятому классу. Правда, он сделал оговорку: «...капиталист — заимодавец денег должен быть рассматриваем как торговец».

товаром, который безусловно необходим для производства богатства и не может быть в слишком низкой цене... Отсюда можно заключить, что заимодавец денег принадлежит к незанятому классу как личность, ибо ему нечего делать, но не по природе своего богатства». Остальных капиталистов Тюрго распределил по соответствующим физиократическим классам уже без колебаний: торговцев и мануфактуристов — в промышленный (он же коммерческий, незанятый) класс, фермеров-арендаторов — в земледельческий.

Мысль гениального экономиста лишь нащупала контуры нового социального образования. Но формулировки Тюрго были еще слишком осторожны, слишком сложны и двусмысленны. Даже умнейшие люди из числа его современников их не поняли, не оценили. Словом «класс» продолжали обозначать социальные группы самого различного характера.

И тем не менее представление о буржуазии как о классе постепенно пробивало себе дорогу, о чем свидетельствуют некоторые случайно оброненные фразы людей конца XVIII в. Ходатайствуя о королевском адвокате, мечтавшем получить дворянское звание, интендант его провинции писал в 1775 г. Бертену, временно исполнявшему тогда обязанности государственного секретаря по иностранным делам: «Среди ремесленников, в классе буржуазии (курсив мой. — Е.К.), так же как и в дворянском сословии, мало найдется семей, которые не были бы ему обязаны своим покоем и благополучием». (Государственные люди в силу характера повседневной деятельности вынуждены пользоваться часто общими понятиями, но их «социологические» находки чаще всего умирают в бюрократической переписке и в официальных докладах начальству.)

Что касается массового общественного сознания даже образованных людей, абсурдно было бы ожидать от него строгой концептуальной определенности. Массовые представления об общественном классе всегда приблизительны. На степень завершенности (но не в плане законченности) становления той или иной социальной группы указывает наличие у нее просто названия, необязательно сопряженного устойчиво с такими понятиями, как класс или сословие. В конце XVIII в. капиталистические предприниматели уже имели такое название. Именно в этом качестве слово «капиталисты» использовал Тюрго. А судя по художественной литературе, официальным документам и переписке, оно в ту пору имело во Франции уже широкое распространение.

В среде образованных его употребляли самые различные люди. Убедя французских мореходов смело вести корабли в северные моря для установления прямых контактов с Российской империей, составители «Коммерческого атласа» отец и сын Леклерки писали: «Мы надеемся, что впредь наши негоцианты не будут прибегать к ненужной помощи английских и голландских компаний для сношения с Петербургом. Не следует думать, что торговлю с этой империей могут вести только капиталисты, там лично пользующиеся доверием...». Хранитель печати французского королевства Гю де Миромениль, разрабатывая новый торговый кодекс, предлагал четко определить положения о юридическом статусе акционерных обществ, он видел в этих положениях «наиболее надежное средство расширить и увеличить возможности негоциантов и тем самым создать условия, при которых капиталисты могли бы с уверенностью судить о том доверии, которое они могут оказать своим торговым партнерам». Слово «капиталисты» было столь расхожим во всей Европе, что российский посол в Париже князь И.С.Барятинский с уверенностью употребил его в послании к Екатерине II: «С некоторого времени американский кредит во Франции начинает падать, — описывал он в феврале 1780 г. перемену в отношении торговых кругов Франции к Северной Америке.— Здешние коммерсанты с тех пор, как завели с сими колониями дела, не были еще никогда заплачены; в городах Бордо и Нант часть знатных капиталистов от сих дел объявились банкротами»¹⁶.

Конечно, массовые общественные представления дореволюционной эпохи о капиталистическом классе существенно отличались от послереволюционных. В начале XIX в. классы — это уже не одно из множества обозначений социального членения общества, это главное обозначение: все более или менее грамотные люди знали о существовании высшего класса — аристократии, дворянства, среднего класса — буржуазии и низшего класса — народа (иногда в этом смысле говорили о пролетариате, о рабочем классе). Подобного расхожего представления о среднем классе в XVIII в. не было.

Существует динамическое, т.е. относительное, равновесие между научным знанием, обыденными представлениями и типом общества, а также уровнем его развития. Построения Тюрго — не только этап в развитии политэкономической теории, но и реальное свидетельство современника. Надысторичных теорий не бывает. В тезисах «Размышлений о создании и распределении богатств», по существу, содержится концепция капиталистического класса и дано его внутреннее членение: коммерсанты, мануфактуристы, фермеры, заимодавцы.

И все же политэкономические абстракции, даже самые точные, не только раскрывают, но и заслоняют конкретную, столь противоречивую историческую реальность. Как концепцию капиталистического класса, лишь несколько форсируя ее выводы, можно обозначить тезисы «Размышлений о сознании и распределении богатств», посвященные мануфактуристам, фермерам, торговцам, заимодавцам, использовавшим капитал для извлечения прибыли.

Нет историка-марксиста, который не знал бы положения из «Манифеста Коммунистической партии»: «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений...» И тем не менее представление о капитализме как о системе, которая при всей своей изменчивости принципиально не меняется, чрезвычайно распространено. Промышленную основу капитализма многие считают одинаково значимой и для XVI, и для XVIII, и для XIX в. По-видимому, это связано с решительным осуждением у нас в стране в 30-е годы концепции торгового капитализма, в результате чего было прекращено научное изучение роли торговли в генезисе капиталистического способа производства. Вот уже на протяжении полувека торговля, по существу, находится вне теоретического осмысления советских историков, занимающихся исследованием ранних этапов развития капитализма. Это осложняет понимание истории буржуазии допромышленной поры, в частности французской буржуазии старого порядка, наиболее многочисленным и наиболее значимым компонентом которой являлись именно коммерсанты.

В XVIII в. торговля (и особенно внешняя) была наиболее динамично развивающимся сектором французской национальной экономики. С 1716—1720 г. по 1784—1788 г. согласно различным подсчетам объем внешней торговли Франции вырос приблизительно в пять раз. По темпам роста внешней торговли ей уступала даже Англия. С 1716 по 1776 г. внешнеторговый баланс Франции имел постоянно положительное сальдо, лишь в 1777 г. впервые за длительный срок наблюдался дефицит торгового баланса. В 1787 г. на внешних рынках было реализовано на 326,1% промышленной продукции больше, чем в 1716 г.

Внешняя торговля, неэквивалентная во многих отношениях, позволяла сколачивать чрезвычайно крупные состояния в короткие сроки. История сохранила имена крупнейших негоциантов XVIII в., арматоров Бордо, Нанта, Марселя, Сен-Мало, Гавра, этих судовладельцев и купцов, финансировавших и снаряжавших большие торговые экспедиции в Америку, Азию, Африку. Слово «экспедиция», подчеркивающее риск и определенную неповторимость предприятия, точно характеризует морскую торговлю XVIII в.

В середине века своего рода марсельской знаменитостью был Ж.Ру, по прозвищу Корсиканец. С 1733 по 1749 г. один или в компании с братом он снарядил 61 корабль. В Руане в XVIII в. коммерсанты чаще всего отправляли от 2 до 5 кораблей, но некоторые— по 24 и даже по 27 судов. Семейство Монтоденов в Нанте владело 17 судами и вело торговлю со всеми частями света. А.Вальш, богатейший работороговец, только в 1748 г. снарядил флотилию в 13 судов.

Сохранились данные о 6300 (60% из всех имевших место) морских торговых экспедициях, снаряженных в Нанте с 1694 по 1792 г. Большая часть экспедиций приходилась на 76 наиболее состоятельных семейств арматоров, каждое из них отправило более 20 экспедиций. Семейства не столь богатые (таких среди арматоров Нанта было около 120) подготовили 2200 экспедиций.

Часть капиталов, аккумулированных в торговле, инвестировалась в промышленность, и негоцианты выполняли одновременно функции мануфактуристов. В 1671 г. крупный коммерсант О.Мажи стал владельцем сахароварни в Марселе; знаменитое впоследствии марсельское производство мыла также было начато благодаря купеческим капиталам. Первую ситцепечатную мануфактуру в Нанте основали в 1729 г. три арматора.

Внешняя торговля питала капиталами не только прибрежную зону, стимулировала не только промышленность портовых городов. Некоторые города внутренней Франции также работали на внешний рынок и обогащались за счет заморских экспедиций. Значительная часть продукции сукнодельческих, шелковых мануфактур и мукомолен Монтобана поступала в Бордо для дальнейшей отправки в колонии. Многие торговцы Гренобля из числа суконщиков, галантерейщиков, бакалейщиков, гренобльские владельцы полотняных мануфактур имели интересы на Санто-Доминго; семейства Доллей и Раби владели там плантациями, экспортировали продукцию своей провинции через Бокер и Бордо, импортировали сахар и ром.

Ощущение, что коммерция — это особая область, наиболее быстрым способом обеспечивающая стране богатство и в то же время генерирующая духовные ценности, отличные от традиционных, посещало наиболее проникательных французов уже в начале XVII в. В трактате, в названии которого впервые в истории появилось словосочетание «политическая экономия», врач и экономист А. де Монкретьен (1575—1621) писал: «Мы ныне живем золотом и серебром, они удовлетворяют потребности всех людей...» Деньги, столь необходимые для государственных нужд, продолжал он, «извлекаются из налогов, уплачиваемых с торговли», а поэтому для государства необходимы и полезны купцы. Утверждая прагматизм, присущий политэкономии, видимо, с самого ее рождения, Монкретьен объяснял, что купцы больше заботятся о своих прибылях, чем об интересах общества, но это понятно и допустимо: без жажды прибыли они не стали бы подвергать себя риску на море и на суше.

Спустя полтора столетия Ш.-Л.Монтескье четко сформулировал особое духовное кредо коммерсантов: «Дух торговли порождает в людях чувство строгой справедливости; это чувство противоположно, с одной стороны, стремлению к грабегам, а с другой — тем моральным добродетелям, которые побуждают нас не только преследовать неуклонно собственные выгоды, но и поступаться ими ради других людей».

В обществе никогда не существует четкого, совершенно однозначного представления о какой-либо социальной группе, но в определениях, которые случайно даются людьми или преднамеренно формулируются, почти всегда есть некий смысловой центр, точка распознавания, которая не позволяет спутать данную социальную группу с какой-либо еще. В XVIII в. торговых людей во Франции обозначали два слова: «негоцианты» и «торговцы». Часто они использовались как синонимы. В конце века против этого со всей решительностью выступил инспектор мануфактур (в будущем один из лидеров жирондистов) Р. де ля Платьер. Он писал в «Методической энциклопедии»: «Всегда и везде смешивают понятия «негоциант» и «торговец», даже корабейник присваивает себе первое из этих званий, а продающий ему какую-нибудь мелочь лавочник так и называет его негоциантом. В действительности Франция располагает определенным количеством предпринимателей, у нас много фабрикантов, много торговцев, негоцианты же очень редки. Из всех городов, что я знаю, они есть в Бордо, Нанте, Руане, Марселе. В Париже их нет, там имеются лишь денежные воротилы, спекулянты, банкиры, люди, торгующие ценными бумагами, облигациями государственных займов, они наживаются на наших общественных бедах, все это не более чем торговцы и дельцы. Истинная негочия родственна дипломатическому искусству; подобно дипломату, ведущему переговоры, негоциант вступает в разного рода отношения, имеет большие интересы, широкий взгляд на вещи; подобно политику негоциант должен понимать дух различных наций, их законы, обычаи, он должен уметь распознавать чуждые интересы и, используя их, добиваться наибольшей выгоды.

Всякий же человек, занимающийся только покупкой и продажей, ведет ли он торговлю за наличные или с отсрочкой платежа, обменивает ли одни товары на другие, занимается ли комиссионными сделками, идет ли на заранее оговоренные поставки, ведет ли крупные или мелкие дела, все едино — перед нами не более чем торговец».

Никак юридически не зафиксированное и тем не менее очень значимое в глазах самих людей торговли это различие родилось задолго до рассуждений Ролана. Еще в мемуаре к Людовику XIV, составленном входившими в Торговый совет королевства крупнейшими негоциантами, со всей определенностью говорилось: «Поскольку Ваше Величество объявили, что они желают благоприятствовать процветанию торговли, депутаты торговли считают, что намерениям Вашего Величества в этом направлении могло бы способствовать оказание знаков уважения негоциантам... При условии положительного отношения Вашего Величества, так как термин "торговец" слишком общий, слишком широко его значение, желательно было бы отделить лиц, занимающихся оптовой торговлей на море и на суше, и называть их исключительно негоциантами; за теми же, кто занят розничной торговлей, сохранить название "торговцы"».

В рескриптах самого Людовика XIV также иногда проводилось различие между негоциантами и торговцами. Так, в эдикте 1660 г. о составе муниципального совета Марселя король предписывал: «Первый эшевен должен быть избран из числа тех, кто входит в ложу (прообраз марсельской биржи. — Е.К.) и держит банк, или из числа негоциантов... последний — из числа буржуа или торговцев».

Французский историк Ш.Карьер, специально изучавший обозначения крупных коммерсантов в XVII—XVIII вв., считает, что приблизительно к 1716 г. в официальных документах повсеместно было принято четкое разграничение между торговцами и негоциантами.

Негоцианты занимались крупной, оптовой торговлей, торговцы преимущественно — мелкой, розничной. Негоцианты издавна пользовались большой свободой, находясь вне цеховой системы; значительная часть торговцев входила в корпорации.

Было и еще существенное различие: негоцианты вели приходные и расходные книги, имели упорядоченную бухгалтерию; мелкие торговцы обходились без записей, тем более что далеко не все из них владели грамотой.

Конечно, были исключения в виде самозванцев, принимавших громкое имя негоцианта ради эфемерного повышения социального статуса; видимо, так можно объяснить тот факт, что некоторые лица, назвавшие себя негоциантами при вступлении в брак, предпочли умолчать о размерах своего состояния, а состояния их избранниц были довольно скромными. Например, девять парижских негоциантов из числа вступивших в брак в 1749 г. не указали размеры своих состояний; у одной из их невест имущество не превышало 500 ливров, у семерых колебалось от 2 тыс. до 15 тыс. ливров. Зато у пятерых негоциантов, чьи состояния были объявлены, они составляли от 50 тыс. до 300 тыс. ливров. Случаи появления самозванцев лишь подтверждают значимость звания негоцианта. Крупная торговля и с точки зрения ценностной системы старого порядка котировалась несравненно выше, чем мелкая, даже дворяне могли ею заниматься без ущерба для своего достоинства. Правда, несмотря на официальную допустимость, торговлей занималось мало дворян. Зато эти нарушители сословных традиции обычно входили в число богатейших негоциантов, и с экономической точки зрения их вес был весьма значительным. Среди нантских арматоров было пять дворянских семей. Они снарядили 385 экспедиций, т. е. в среднем по 75 экспедиций на каждое семейство — размах торговых операций очевиден.

Негоцианты представляли собой разнородную группу и по сословной, и по религиозной, и по национальной принадлежности. Еще в XVII в. торговые колонии голландцев обосновались в городах западной Франции, а также в Марселе. Для XVIII в. была характерна иммиграция швейцарских дельцов, вкупе с немцами они активно действовали в Марселе, Лориане, Бордо. Среди негоциантов Нанта было немало выходцев из Шотландии и Ирландии. В Марселе с 20-х годов XVIII в. все большее могущество приобретали протестантские торговые династии Сонманди, Юг и Рабо. Позже они укрепились и в Бордо. В число богатейших лиц Бордо входили также некоторые члены еврейской торговой колонии; особенной известностью пользовались имена А.Градуса и Ж.-Н.Перейры.

Не представляя собой единой, сплоченной группы, негоцианты тем не менее добивались утверждения в обществе одних и тех же принципов. Их разобщенность совершенно особого рода: сама конкурентная борьба, которую они вели между собой, служила условием того, что они прекрасно знали друг друга не только в рамках города или региона, но часто и в рамках страны.

В конце XVIII в. во Франции промышленность еще только вычленилась в самостоятельную сферу человеческой деятельности. Само слово «Industrie» чаще всего понималось как ловкость, умение. В 4-м издании «Словаря Французской академии» (1762) для пояснения этого слова давались примеры: «Это ловкий человек (homme d'industrie). У него нет никакого определенного дохода, но он трудолюбив, он кормит семью своим трудом, своей ловкостью (par son industrie). Говорят: живет благодаря своему проворству (d'industrie), что означает умеет находить плохие ли хорошие ли средства к жизни». Слово «Industrie» употреблялось также в противопоставлении реальным фондам чего-либо нематериального. В этом случае оно принимало значения «труд», «торговля», «знание». В «Универсальном словаре торговли» слово «Industrie» отсутствует.

Промышленность не представляла собой единого феномена. Мы включаем сегодня в понятие «промышленность XVIII в.» ремесла, горное дело, металлургию, мануфактуры, в том числе рассеянные. Но в те времена типологическую родственность всех этих видов промышленного производства никто не замечал, зато их различия были всем очевидны. Люди XVIII в. могли рассматривать мануфактуры как одну из отраслей торговли; ремесла входили в состав «искусств и ремесел» («arts et metiers») — исторически сложившегося комплекса, в котором соседствовали аптекарское дело, хирургия, торговля скобяными товарами, починка обуви и т.д. О горных разработках почти всегда говорилось как об особом и обособленном виде производства. Новый взгляд на промышленность не проник даже на страницы «Энциклопедии» Д.Дидро и Ж.д'Аламбера. Автор статьи «Торговля» Ф.Верон де Форбонне назвал мануфактуры в числе семи отраслей торговли: наряду с земледелием, свободными искусствами, рыболовством, мореходством, колониями и вексельным делом. Запоздалый меркантилист, Верон де Форбонне, хотя и выступал против физиократической концепции «стерильного класса», не смог разобраться в экономической сущности промышленного производства. А ведь он был человеком осведомленным уже в силу того, что служил в должности инспектора монетного двора. Экономические процессы долгое время плохо поддавались осознанию.

Между тем в XVIII в. промышленность Франции развивалась намного быстрее, чем в предыдущем. Объемы производства увеличивались. С 70-х годов начались первые попытки внедрения машин. Темпы промышленного роста в 1700—1780 гг. в среднем превосходили 1 % в год, а по некоторым подсчетам приближались к 1,9%. До 70-х годов Франция по этому показателю не уступала Англии.

Мало кто подобно Тюрго объединял хозяев промышленных предприятий в одну группу. Да и как обычный человек мог уловить сходство столь различных владельцев. По данным обследований 1771—1788 гг., из 603 металлургических предприятий, расположенных в 21 генеральстве, 57 (9,4%) принадлежали церкви, 304 (50,4%)—дворянам шпаги и мантии, среди владельцев из третьего сословия были финансисты и крупные негоданты, торговцы и бывшие ремесленники.

В некоторых местностях доля «благородных» в составе хозяев металлургических предприятий была особенно высока. Во Франш-Конте она достигала 52%, в Алансонском генеральстве — 84%, в Реннском — 86% ⁴⁰. Помимо металлургии дворянство не считало для себя зазорными каменноугольные разработки. Шевалье де Солаж начал разработки в Кармо, герцог де Бетюн-Шарро — в Рош-ля-Мольер, маркиз де Серне и принц де Круа — в Анзене. Но дворянский капитал проникал и в отрасли традиционно для него чуждые: в текстильную, в зарождавшуюся химическую. Первые полотняные мануфактуры в Эльзасе были основаны бароном де Вальднером и герцогом де Де-Пон; химическое производство в Жавеле субсидировалось графом д'Артуа; вкладывал деньги в текстильные и стекольные мануфактуры герцог Орлеанский.

Но численно среди промышленных предпринимателей преобладали, безусловно, ротюрье. Даже в металлургии и каменноугольной промышленности позиции ротюрного капитала были очень солидными. Шахты Сент-Этьена, Рив-де-Жье, Алеса принадлежали третьему сословию, в металлургии Севера и Востока, в провинции Дофине и Сент-Этьене третье сословие преобладало.

Многие из наиболее технически передовых предприятий были созданы и управлялись иностранцами, в первую очередь англичанами. В середине века из Англии во Францию переехала группа католиков-якобитов, среди них Д.Холкер, приложивший впоследствии немало усилий для технического перевооружения французского бумагопрядения. Он основал во Франции несколько хлопчатобумажных ткацких и прядильных мануфактур, на которых под руководством английских специалистов проходили курс технического обучения французские работники. В 1755 г. Холкер получил от короля Людовика XV звание «генерального инспектора мануфактур, действующих на иностранный лад, и всех рабочих-иностранцев». Мануфактуры в г.Брив, в Сансе, в Невилле на Соне были основаны англичанами Т.Леклерком, Г.Хэллом, Ж. Мильном.

В конце XVIII в. имелись уже предприятия очень значительных размеров. Крупнейшим предпринимателем в металлургии был Дитрих, будущий мэр-фейян Страсбурга, владелец промышленного комплекса в Эльзасе, включавшего заводы в Жагертале, Нидер-бронне, Райхшоффене, Ротау. Более 800 рабочих обслуживали домну и четыре горна в Нидербронне. Металлургическое производство в Жагертале состояло из домны, пяти плавильных и пяти обжигательных печей, двух тяжелых молотов на приводе от водяного двигателя. В Райхшоффене были домна и плавильня, в Ротау—домна, плавильня, кузница, две точильные мастерские. Создание и эксплуатация крупных, отвечавших техническим требованиям времени металлургических предприятий и каменноугольных шахт вызвали потребность в концентрации капитала. Появлялись командитные и первые акционерные общества. При поддержке королевской власти в 1782 г. было образовано акционерное общество Крезо с капиталом в 10 млн ливров. Были выпущены 4 тыс. акций стоимостью 2500 ливров каждая. Компаниями эксплуатировались шахты Кармо, Анзена, Литри, Алеса. Но эти компании были исключительным явлением, к тому же составлялись они чаще всего из родственников и близких знакомых.

Анонимный капитал не соответствовал ни нормам действовавшего торгового кодекса, ни хозяйственным привычкам самих деловых людей.

Наемные работники еще не создавали проблем, которые требовали бы от предпринимателей координации действий. Наоборот, борьба за привилегии, за государственную финансовую помощь, конкуренция разъединяли. Свои профессионально-экономические интересы каждый защищал в одиночку или в рамках семьи и семейных связей. Гражданские интересы промышленников, негодантов, банкиров отстаивали в основном другие — литераторы, члены парламентов, философы, либеральные бюрократы. Редко кто из предпринимателей увязывал гражданские и экономические интересы воедино.

Из всех групп формировавшегося класса буржуазии кануна революции в отечественной историографии, пожалуй, лучше всего изучено капиталистическое фермерство. Значительная часть сельскохозяйственных угодий сдавалась в капиталистическую краткосрочную аренду в окрестностях Парижа (уже больше половины), во Фландрии, Эно, Кабрези, Пикардии, Северо-Восточной Нормандии, в областях Бос и Бри. Фермы нередко достигали очень больших размеров — в Нормандском Вексене были хозяйства в 137, 160, 243 га, в области Бос — в 153, 200, 229 га, в Пикардии—в 145, 185, 360 га. В податном округе Мо в конце XVIII в. в местностях Мюлтѐн и Франс на долю ферм площадью более 120 га приходилось более 40% земли. Правда, редко эти арендованные угодья составляли единый массив. В тех же местностях Мюлтѐн и Франс в 1771 г. земли крупнейших (имевших более чем по 200 га) арендаторов распадалась у тринадцати на две отдельные фермы, у четверых на три, у остальных на еще большее число.

Фермеры являлись собственниками сельскохозяйственного инвентаря, рабочего и продуктивного скота, держали постоянную наемную силу, в страду нанимали сезонных рабочих.

Размеры ферм диктовались спецификой землепользования в том или ином районе, степенью близости к крупным городам, особенностями почвы. Во Французской Фландрии площадь фермы обычно не превышала 25 га, но такое хозяйство могло быть доходнее пикардийской или босской фермы размером в 130 га. Физиократ де Нефшато в комментариях к трактату XVII в. де Серра дал описание типичной фермы во Фландрии: площадь ее угодий—22,3 га; производственный капитал—6 тыс. ливров; доход—10016 ливров, из них 9730 ливров (97%) от зернового хозяйства; расход— 9240 ливров; арендная плата — 1920 ливров (20,8% всех расходов, остальные расходы шли на налоги, оплату поденщиков и разные производственные траты); чистый доход—776 ливров (7,7% от валового).

Чрезвычайное трудолюбие, бережливость, неутолимая жажда укрепления своего достатка были характерны для этих сельских предпринимателей. Им приходилось вести глухую, незаметную борьбу как против окрестных крестьян, так и против конкурентов в своей среде. «От жадности и властолюбия крупных фермеров страдают не только простые крестьяне, владельцы небольших участков земли, но и фермеры средней руки, которых они вытесняют. В податном округе Крепи насчитывается 43 заброшенных с 1728 по 1762 г. здания бывших ферм, их земли присоединены теперь к соседним угодьям крупных арендаторов», — писал аббат Карлье, изучавший экономические порядки герцогства Валуа в 60-е годы XVIII в.

Использование категорий, разработанных Кенэ и Тюрго, позволяет выявить экономическую анатомию французской буржуазии XVIII в. и в то же время не слишком ее модернизировать, что было бы неизбежно при прямом сведении реалий XVIII в. к понятиям XIX или XX столетия. В идеале первоначальная историческая реконструкция всегда должна осуществляться с помощью научного аппарата соответствующей эпохи. Но, по-видимому, только первоначальная, только исходная реконструкция. Далее ограничиваться использованием достижений теоретической мысли того же XVIII в. нельзя, и от понятий Кенэ или Тюрго исследователь переходит к более поздним, более изощренным средствам познания социальной действительности.

К «капиталистам, отдающим деньги взаймы» в XVIII в. относились банкиры, финансисты, рантье и традиционные ростовщики. Все ли они по своей политэкономической сути относились к формировавшемуся классу буржуазии?

Е. М. Кожокин

С формальной точки зрения эти категории лиц занимались различными видами ссудных операций. Финансисты ссужали деньги государству; банкиры во Франции XVIII в. чаще всего обеспечивали кредит частным лицам и компаниям. К сожалению, о традиционных ростовщиках и их полуподпольной деятельности известные нам источники молчат. Ростовщики обслуживали нужды мелкого народа и вместе с ним терялись в безвестности. Большинство рантье назывались в ту пору «буржуа». О них мы особо скажем несколько ниже. А сейчас — о банкирах и финансистах.

Считается, что период формирования во Франции первых элементов банковской системы и появление банкира как специфической профессии приходится на 1725—1770 гг. Действительно, к концу данного периода специфически банковская деятельность позволяла уже сколачивать во Франции крупные состояния. Банковское общество Туртон и Бор увеличило свой капитал со 175 тыс. ливров в 1740 г. до 1025 тыс. ливров в 1760 г., оборот банка Ванденивера составил в 1789 г. более 30 млн ливров.

Второразрядный парижский банк Дюфура, Малле и Ле Руайе в 1770—1771 гг. имел 354 открытых текущих счета, всего же у него было 176 клиентов-корреспондентов во Франции и 179 за рубежом (местонахождение еще 13 клиентов банка в настоящее время установить невозможно). Внутри страны более всего клиентов этого банка насчитывали портовые города: 32 — Бордо, 15 — Марсель, 10 — Нант, 9 — Руан; что касается заграничных клиентов, то в Женеве их было 50, в Швейцарии — 34, в Англии — 26, в Голландии — 22, в Германии — 15 (из них 7 в Гамбурге и 4 во Франкфурте), в Испании — 14, в Португалии — 4, в Италии и Пьемонте — 8, в австрийских Нидерландах — 6, в самой Австрии—1. Банк имел довольно узкую специализацию: он занимался конверсией и переводом государственных ценных бумаг, различными комиссионными сделками, получением за своих клиентов рентных платежей. Этими операциями определялся круг информации, которой должен был располагать управляющий банка Р. Дюфур и его служащие.

Повседневная рутинная работа требовала от капиталиста-банкира прежде всего точности и оперативности. Знаменитый банкир Жак Лаффит (1767—1844) писал в мемуарах: «Я много работал на протяжении 65 лет, и сейчас, когда мне уже 77, я продолжаю работать с тем же усердием, будто мне еще только предстоит создать мое состояние. Каждый день с 7 часов утра до 6 вечера я в своей конторе, и я надеюсь продолжать в том же духе до 100 лет, если Бог продлит мне жизнь».

Пожалуй, именно в банковской сфере наибольшее развитие получили рыночные отношения. Здесь как нигде рынок диктовал нормы труда, нормы поведения. В XVIII в. эти нормы были уже хорошо осмысленны и четко сформулированы, они не только передавались изустно, о них писали в трактатах, словарях, пособиях по коммерческой практике.

В многократно переиздававшемся на протяжении XVIII в. «Экономическом словаре», составленном Н.Шомелем и М.Данжу, говорилось, как обязан был вести себя маклер, или банковский агент, в функции которого входили различного рода посреднические операции (он не был банкиром и до современного брокера еще не дорос): «Банковские агенты должны быть скрытными, все видеть, все слышать и ничего не говорить; для них нет ничего более важного, чем коммерческая тайна, так как одним некстати сказанным словом банковский агент может разрушить кредит и, следовательно, привести к банкротству... в руках банковского агента состояние тех, кто пользуется его посредническими услугами, поэтому он должен быть всегда начеку: к примеру, он ни в коем случае не должен говорить о сделках, которые с его помощью собираются совершить какие-либо негоцианты и банкиры». Размещая векселя и банковские билеты, указывалось далее, маклер до получения согласия их принять должен воздерживаться от ответа на вопросы негоциантов о том, кому принадлежат размещаемые ценные бумаги, дабы не разглашать информацию о своих клиентах, возможно, находящихся в стесненных обстоятельствах. Каждый день и желательно по нескольку раз маклеру следует навещать своих контрагентов, ибо валютный курс и курс ценных бумаг переменчивы, векселя постоянно падают и поднимаются в цене, даже с утра до полудня может произойти повышение или понижение денежного курса. Утром негоциант или банкир может помышлять о помещении своих денег и векселей в какое-либо дело, а в середине дня сам в них срочно нуждаться в силу событий, которые он не сумел предвидеть. Знаток коммерции Ж.Савари де Брюлон (1657— 1716), характеризуя биржу, отмечал, что негоцианты посещали биржу с неизменной точностью, чтобы не вызвать подозрений в своем банкротстве или разорении. Деловому человеку даже при неимении конкретных дел следовало всегда посещать биржу для поддержания своего кредита.

Капитализм старого порядка, разрушая этот «порядок» в своих внешних второстепенных проявлениях, следовал его нормам. Корпоративные перегородки воздвигали в своей среде и «свободные» предприниматели. Негоцианты отделялись от торговцев, финансисты боролись с банкирами.

Финансы против банка. Помимо чисто экономической конкуренции эти два мира разделял религиозный принцип: финансисты — католики; банкиры (в значительной своей части) — протестанты. Отличались они и по характеру внешнеэкономической ориентации. Финансисты осуществляли операции с пиастрами Испании и испанских колоний, банкиры ориентировались на Англию, Швейцарию, северные страны.

По существу, финансисты входили в частную организацию, выполнявшую государственные функции. С 1726 г. действовала четко оформленная система государственных откупов. Сбор косвенных налогов был передан компании генеральных откупщиков, состоявшей из нескольких десятков крупнейших финансистов. В 1756 г. разрозненные бюро отдельных откупщиков были объединены в центральную контору генеральных откупов. Она возглавлялась «ассамблеей касс» (затем — «административным комитетом»), куда входили десять наиболее богатых и опытных

откупщиков. Ниже стояли специализированные ассамблеи, каждая из которых имела в своем распоряжении бюро наемных служащих. Член компании входил в состав нескольких ассамблей сразу. В некоторых провинциях для сбора налогов имелся аппарат провинциальных штатов, который обычно также представлял собой компании финансистов.

В середине XVIII в. финансисты не ограничивались откупными операциями. Известны гордые слова генерального откупщика и придворного финансиста Ж.-Ж. де Ляборда: «У меня двадцать кораблей в Америке, в Восточной и Западной Индии, в Гвинее. Сколько людей обеспечено работой! Сколько денег потрачено на пользу народу и дворянству!» Но постепенно экономическая активность финансистов свертывалась. Их капиталы или шли на покупку земельных угодий, или замыкались в рамках системы откупов. Финансисты оказались неспособными верно адаптироваться к кризисным явлениям 70—80-х годов, увеличившийся риск производительных инвестиций испугал их. По своей психологии они были более рантье и администраторы, чем предприниматели. Именно в те годы, когда закладывались основы нового капитализма, гораздо более динамичного, чем прежний, финансисты начали сходить со сцены большого бизнеса.

Некоторый взлет их экономической активности наблюдался в период пребывания Ш.-А. де Калонна на посту генерального контролера финансов. Калонн имел большие и стабильные связи в этой среде. Его первая жена Жозефина Анна Марке происходила из семьи финансистов. Марке входили в финансовую группу, объединявшую Ж.-Ж. де Ляборда, австрийскую финансовую династию Неттинов, генеральных откупщиков Пари-Дювернс и Лявивов. Финансисты готовы были покрыть дефицит казначейства в том случае, если Калонн добьется от Ассамблеи нотаблей утверждения территориального налога и гербового сбора. Калонн потерпел фиаско; почти одновременно с этим крупнейшие финансисты Бодар, Серийи, Марке объявили о своем банкротстве.

Крах, а впоследствии и физическая гибель финансистов приближались.

Ни один общественный класс ни в одну историческую эпоху не представлял собой экономически гомогенное образование. И среди французских предпринимателей конца XVIII в. было много лиц, получавших помимо предпринимательского дохода сеньериальные платежи, арендную плату или жалованье. Экономическая многоликость даже тех индивидуумов, которые основную часть своего времени посвящали коммерции или управлению банком, мануфактурой и т.п., — одна из отличительных особенностей класса буржуазии кануна революции. Буржуазия того времени — образование многослойное, имевшее капиталистическое ядро и более или менее удаленные, но тяготевшие к нему по характеру доходов, по экономическим, политическим, культурным устремлениям социальные группы. Одну из таких групп необходимо рассмотреть особо, ибо в ходе революции и в послереволюционную эпоху ее название станет родовым для всего капиталистического класса. Это — «буржуа».

Словари, столь часто исследуемые в последнее время историками, содержат информацию очень разнородную и, пожалуй, не менее субъективную, чем все прочие источники. Если словарь составлял ученый человек, проводивший свою жизнь среди книг и манускриптов, то почти обязательно в обстоятельном словнике будут изобиловать устаревшие, архаичные значения слов; редко кто из заядлых латинистов, знатоков грамматик и этимологии питает интерес к просторечию, к ненормативной лексике рынков, шейных лагерей, дворянских пирушек. Но иногда словари составлялись бойкими писателями, вездесущими авантюристами, которых случай наделил легким пером, и хотя трудно понять, когда люди этого склада успевали сочинять объемные фолианты, именно из их сочинений можно почерпнуть богатую россыпь значений живого языка эпохи.

Трудно сказать, откуда А.Фюретьер, непоседа и бонвиван, брал свои познания. Во всяком случае, воздух эпохи в его «Универсальном словаре», безусловно, ощущается. Пестрота воспроизведенных Фюретьером трактовок слов ставит подчас в тупик современного исследователя. Не исключение его истолкование слова «буржуа». Приведем из «Универсального словаря» полный список значений и примеров употребления этого слова: «Буржуа — (1). Имя коллективное, обозначает совокупность народа, живущего в городе. Не следует буржуа давать в руки оружие. Порядок на рынках требует, чтобы буржуа снабжались ранее, чем торговцы и перекупщики. Слово буржуа происходит от немецкого слова бюргер. (2). Буржуа называют также любое частное лицо, проживающее в городе. Этот торговец, этот адвокат — добрые буржуа (горожане) (3). Слово буржуа обозначает также всех членов третьего сословия, отделяя их от дворян и духовенства, пользующихся особыми привилегиями, коих лишен народ. Государственные тяготы падают на буржуа. В этом же

смысле говорится: это дворянин, а это всего лишь буржуа. Та женщина — демуазель, а та — простая горожанка (буржуазка). (4). В некоторых кутюмах фигурируют королевские буржуа: это люди, имеющие привилегию быть подсудными только королевским судам, сеньериальная юрисдикция на них не распространяется, подобный статус оговорен в кутюмах Труа, Шампани, Шомона, Санса и Осера. (5). Рабочие называют буржуа человека, на которого они работают. Каменщик, ремесленник всегда стараются надуть буржуа. (6). Иногда слово буржуа употребляют для противопоставления куртуазного, светского человека человеку, не отличающемуся изяществом ни манер, ни ума, живущему и рассуждающему как простонародье... Слово буржуазия означает право получения определенных городских привилегий, это право приобретается по прошествии нескольких лет проживания в городе... Буржуазией называют также весь корпус буржуа».

Фюретьер дал очень широкий, но самый общий обзор значений слова «буржуа». В каждом городе Франции это слово имело свои нюансы.

В Париже в XVII — начале XVIII в. звание «буржуа» мог носить горожанин, проживший в столице не менее года и одного дня, не служивший слугой, не проживавший в ночлежке, уплачивавший муниципальные налоги. Приобретение статуса парижского «буржуа» влекло за собой существенные привилегии: освобождение от уплаты прямого налога — тальи, право покупать в любом месте Франции фьефы без уплаты пошлины так называемой фран-фьеф, право носить оружие; парижский «буржуа» подлежал суду только парижских судебных инстанций, в его доме запрещалось расквартировывать солдат, он был свободен от призыва в ополчение (бан и арьербан), имел право беспошлинно ввозить в город сельскохозяйственную продукцию, полученную со своей земли, мог арестовать злостного неплательщика долга с помощью королевских людей.

В Лилле, лишь в 1667 г. завоеванном Францией у Испании, среди жителей выделялись две категории: «буржуа» и мананы. Звание «буржуа» покупалось у эшевендов, в ту пору выборных муниципальных чиновников города, за сумму порядка 15 ливров. Оно было наследственным в том случае, если сын буржуа через год после женитьбы выплачивал определенную сумму и тем самым подтверждал свой статус. Это звание «буржуа» мог получить и дворянин; духовным же лицам его приобретать запрещалось. Статус «буржуа» гарантировал в Лилле определенные права: гражданские и уголовные преступления «буржуа» были подсудны только эшевендам; запрещалось накладывать арест на их движимое и недвижимое имущество; нельзя было арестовывать их за долги; только они имели право быть избранными в муниципалитет. В Лилле к этой категории населения принадлежали и лица очень скромного достатка — простые ремесленники, не имевшие в своей мастерской даже учеников или подмастерьев. При всем том в конце XVII в. лишь около 1/20 жителей города считались «буржуа». Звание «буржуа Лилля» покупалось и в предреволюционные годы. Все привилегии, связанные с ним, сохранялись вплоть до 1789 г. Во второй половине XVIII в., как и за столетие до этого, среди «буржуа Лилля» имелись ремесленники, мелкие служащие, негоцианты. Последние, согласно данным французского историка П.Пьерара, задавали тон. Всего накануне революции в Лилле было 2500 «буржуа».

Сохранилось любопытное суждение одного путешественника: «Жители Марселя подразделяются на два сорта граждан... Одних называют буржуа, других — негоциантами. Это будто два разных народа, которые под именем марсельцев составляют один. Буржуа скупы, негоцианты — расточительны; первые не отличаются учтивостью, вторые — сама вежливость; буржуа ведут незаметный образ жизни, негоцианты предпочитают роскошь. Манеры первых грубы и отдают деревенщиной; вторые стремятся к всеобщей любви и не скупаются на любезности. Единственно, что их объединяет, — это страсть к собственным загородным домам». На простоватость, некоторую грубость нравов, по свидетельству «Словаря французских пословиц» (1750), указывало и прилагательное «буржуазный». В этом же издании слово («буржуазна») приводится в значении «служанка».

Значения слова «буржуа», зафиксированные Фюретьером, сохранились в более или менее неизменном виде до Великой французской революции, а одно из них было живо в разговорном языке и XIX в.: в эпоху промышленной революции рабочие продолжали называть своего нанимателя «буржуа».

Но в XVIII в. это слово обрело и новый смысл. Им стали обозначать рантье, не занимающегося какой-либо производительной деятельностью, человека, пользующегося определенным достатком, живущего «на благородный манер», на государственную или частную ренту. По мнению современных французских историков А.Домар, Ф.Фюре, М.Вовеля, данное значение с середины XVIII в. даже стало доминирующим.

Во всяком случае, накануне революции в представлении нотариусов и судебно-административных властей «буржуа»-рантье составляли отдельную группу. Когда в 1766 г. в Шартре проводились выборы нотаблей, то в списке горожан, имевших право голоса, эти «буржуа» были выделены в особую рубрику. Во время выборов в Генеральные штаты 1789 г. «буржуа», «живущие по-благородному», входили в отдельную избирательную курию совместно со всеми гражданами третьего сословия, не принадлежавшими ни к какой корпорации. В Труа «благородных» «буржуа» в 1789 г. объединили в списках с так называемыми сотрапезниками, прислугой королевской семьи, короля и епископата.

Члены третьего сословия, не входившие ни в одну из корпораций города Коньяк, провели особое собрание и избрали двух депутатов, которые на совместном заседании всех депутатов корпораций Коньяка представляли «буржуа» этого города. Такое же собрание состоялось в Шартре.

Дополнительных данных об имущественном положении, социальном статусе, семейных связях «буржуа» из Труа и Коньяка у нас нет, что же касается шартрских «буржуа», то благодаря исследованию М.Вовеля их облик вполне может быть описан.

В налоговых документах Шартра конца старого порядка фигурировали 250 «буржуа», что составляло приблизительно 5,6% населения города. Женщин среди них было в три раза больше, чем мужчин. Точные возрастные характеристики этой категории жителей неизвестны, но явно среди них преобладали люди зрелого и преклонного возраста. В Шартре в 1766 г. из 60 «буржуа», обязанных уплачивать налог в пользу бедных, было 18 человек, в прошлом занимавшихся торговлей, 15 бывших королевских чиновников и различного рода судейских людей, 4 ушедших от дел ремесленником, 3 зажиточных и богатых землевладельцев, на старости лет перебравшихся в город, чтобы жить на ренту.

Звание «буржуа» было более доступным и менее престижным в провинции по сравнению с Парижем. Но и на периферии, и в столице оно указывало на принадлежность к социальному слою, явно возвышавшемуся над массой бедного трудящегося люда. При составлении брачных контрактов и заполнении других официальных бумаг некоторые простолюдины стремились объявить себя «буржуа», особенно бывшие слуги, владельцы небольших пожизненных рент. Подобное самовозвышение отнюдь не вело к тому, что бывшие слуги получали доступ в дома настоящих «буржуа». Париж в XVIII в. четко делился на различные социальные сферы. Попасты из низшей сферы в высшую, даже всего лишь на один порядок высшую, было очень трудно. По этим соображениям А.Домар и Ф.Фюре исключили слуг из числа «буржуа». Исследование этих историков базируется на изучении подписанных в 1749г. в Париже 2597 брачных контрактов, из которых 124 принадлежали «парижским буржуа» (правда, состояния невесты и жениха указаны в 112). Имущество большинства (54,4%) женихов-буржуа колебалось от 1 тыс. до 10 тыс. ливров, что приблизительно соответствовало достатку торговцев и ремесленных мастеров. В 17 случаях, вступая в брак, «буржуа» имели менее 1 тыс. ливров, впрочем во всех этих случаях точные сведения о размерах имущества жениха не были представлены. 34 жениха имели состояние более 10 тыс., из них трое — более 100 тыс. ливров.

Французская буржуазия

2. БУРЖУАЗИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

на исходе Старого порядка

Вплоть до XVIII в. во Франции не было гражданского общества как такового. Правда, спорадически возникали его прообразы — на микроуровне, как проявление городской муниципальной жизни. Гражданское общество конституируется лишь в связи возникновением государства определенного типа. Как это ни покажется парадоксальным, государство предшествует гражданскому обществу. В социологических работах подчас трактуют гражданское общество как совокупность всего населения данной страны, но подобное определение препятствует выявлению многих существеннейших моментов в динамике исторического развития.

«Можно отметить два больших надстроечных плана: план, который можно назвать "гражданским обществом", то есть совокупность организмов, вульгарно называемых "частными", и план "политического или государственного общества", которому соответствуют функции "гегемонии" господствующей группы во всем обществе и функции "прямого господства" или командования, выражающиеся в деятельности государства и "законного правительства"», — так характеризовал А.Грамши буржуазное общество и буржуазное государство. Гражданское общество не является данностью, функционирующей постоянно в одном режиме. Оно может погружаться в спячку, превращаться в инертную массу, озабоченную исключительно частными интересами. В этих случаях она перестает быть самой собой. Гражданское общество возрождается и становится действенным в эпохи кризисов, когда выясняется, что государство не в состоянии выполнять свои задачи, когда государственный аппарат насилия нарушает баланс между обслуживанием и эксплуатацией общества, эксплуатация вырождается в паразитирование.

Первичные структуры, питающие гражданское общество, но не составляющие его, — это семьи. Даже внутри самого неразвитого гражданского общества семьи остаются и нередко оказываются ячейками сопротивления государственному насилию, но они же нередко способствуют атомизации общества, распаду его на нуклеарные кровнородственные объединения. Впрочем, в гражданском обществе частное и общественное постоянно взаимосвязано. Встречи друзей ведут к рождению политических организаций, спор в интимном кругу на религиозные темы — к появлению антиклерикальных памфлетов или атеистических трактатов.

Становление гражданского общества во Франции XVIII в. осуществлялось как в результате возникновения различного рода объединений, совершенно автономных по отношению к государству, так и в результате ослабления контроля государства (и церкви) над организациями и институтами, ранее этицированными, но так и не вошедшими полностью в бюрократическую структуру. К первым относились салоны, масонские ложи, некоторые клубы и литературные общества, ко вторым — столичные и провинциальные академии, прочие узаконенные научные и литературные общества, отчасти торговые палаты.

Подобно тому как в конце XX в. французские бизнесмены встречаются в привилегированных клубах «Серкль де Булонь», «Ротари» или «Жокей-клуб», в XVIII в. предприниматели посещали салоны, заседания научных обществ, являлись членами масонских лож. Эти внесловные объединения служили выявлению потенциальных лидеров, формированию интеллектуальных элит, просвещению в каждом городе, в каждой провинции; здесь устанавливались личные контакты интеллектуалов (философов, экономистов, публицистов) с государственными людьми и капиталистами всех мастей.

Расцвет философских салонов, которые все более становились политическими, приходится на 60-80-е годы XVIII в. В салонах мадам Жоффрен, мадам дю Деффан, мадам Тансен, мадемуазель Леспинас собирались лучшие умы Франции; во всей светской Европе были известны салоны Гольбаха и мадам Неккер. О салоне Гольбаха на улице Сен-Рош в Париже Д.Дидро писал: «Здесь собираются наиболее честные и дельные люди столицы. Чтобы переступить порог этого дома, недостаточно иметь титулы или быть ученым, нужно еще обладать добротой. Вот где устанавливаются надежные связи! Здесь обсуждаются вопросы истории, политики, финансов, литературы, философии. Люди достаточно уважают друг друга, чтобы вступать в открытые споры. Хозяин дома — подлинный гражданин мира. Он знает, как с толком использовать свое состояние. Он является хорошим отцом, другом, супругом. Всякий иностранец, который сколько-нибудь известен и обладает некоторыми заслугами, может рассчитывать на доступ в этот дом, на самый сердечный и учтивый прием.»

<...> Большинство сотрудников «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера — безродные литераторы с более или менее скромным достатком. Но среди 125 ее авторов, известных на сегодняшний день, имелись и люди, пользовавшиеся немалым влиянием при дворе и в министерстве: Бюффон, ученый и крупный предприниматель, был вхож к маркизе де Помпадур, ходатайствовал за своих друзей перед генеральным контролером финансов; 8 человек являлись владельцами парламентских должностей...

Франкмасонство, как известно, возникло и получило первоначально развитие в Шотландии. (В 20-е годы XVIII в. появились первые ложи во Франции. Следуя шотландским образцам, французские франкмасоны в причудливой форме соединили в своей деятельности республиканский дух, отсутствие сословных предрассудков, мистические обряды посвящения в таинства организации и ее специфического учения, в котором уживались мистика и рационализм. Королевский прокурор президиального суда в Орлеане писал канцлеру д'Агессо о франкмасонах: «Они образуют сообщество, имеющее свои градации и звания, но все без исключения масоны объединены узами тесного сотрудничества, которые не позволяют им называть друг друга иначе чем брат. У них самым неприличным образом перемешаны дворяне и ротюрье, офицеры и ремесленники, и все пользуются одинаковыми правами. Друг в друге они видят только людей, и это их делает равными в силу самой природы, заставляет забыть о различиях рода, звания, даже религии.»). формально открытые для всех, реально закрытые для простого люда, ложи объединяли дворян, священнослужителей, негоциантов, банкиров.

В Ниме в 1783 г. некто Рабо-Дюпюи учредил Филантропическую ложу. Ее главой, «преподобным», стал негоциант Рок, постоянное местонахождение ложи — дом негоцианта А.Шапеля. Вскоре в Ниме Рабо-Дюпюи основал ложу «Благотворительности» и сам возглавил ее. Помещение для собраний и ритуалов предоставила ей торговая компания. Приблизительно в те же годы в маленьком Ниме (население в 1789 г.—54 тыс. человек) действовала ложа Генриха IV и Сюлли. Ее «преподобный» — негоциант Буайе де Вилла, местонахождение — дом адвоката Гриоле.

Первые точные сведения о марсельских масонах датируются 1749 годом. Тогда же с осуждением масонства выступил марсельский епископ, но результата его осуждение не возымело. К 1789 г. в ложах «Совершенной Искренности», «Собрания избранных», «Любителей Истинной Мудрости», «Святого Иоанна Шотландского» состояло значительное число лиц. По заключению французских историков П.Гиралья и П.Амаржье, это были преимущественно негоцианты.

Подчас ложи различались по своему социальному составу. В 1785 г. в г.Лаваль ложа «Юньон» объединяла 5 священников и 34 мелких предпринимателя, а основанная в том же городе в 1786 г. ложа «Объединенных друзей» включала людей более состоятельных: дворян и негоциантов. О ложах г. Манта известно, что в 1788 г. среди 59 членов ложи «Мориа» были адвокаты, нотариусы и монахи, а в ложе «Тесный союз святого Жюльена» — врачи, хирурги, негоцианты и судейские. Советники президиального суда, лейтенант ведомства вод и лесов и некоторые негоцианты объединились в Манте чуть позже в особую ложу «Святого К Юбера».

В Дижоне социально-профессиональные различия между масонскими ложами «Конкорд» и «Объединенные искусства Святого Люка» были еще более очевидны. В первой из них преобладали члены парламента, счетной палаты, дворянство шпаги. Ее посещали мэр города, интендант Бургундии, министр иностранных дел Верженн. Из неблагородных в эту ложу входили только лица свободных профессий. Торговцев в ней вообще не было, зато они составляли основной костяк «Объединенных искусств Святого Люка».

Перед революцией масонские ложи имелись в 363 городах Франции, а их общее число приближалось к 700.

В ложи приходили по разным причинам: следуя моде и стремясь продемонстрировать возвышенность духа, надеясь получить нужные связи и искренне желая услышать истины о совершенном обществе и совершенном человеке. В любом случае философские диспуты, которыми столь увлекались масоны, способствовали выработке основ критического мышления, свободного от почтительности к традиционным догмам католицизма, к ценностям сословно-монархического строя. Но было бы большой ошибкой усматривать в масонских ложах тайные организации революционеров. (Никаких политических целей масонство перед собой не ставило.) Не случайно в одну из лож вступил даже король Франции Людовик XVI.

Провинциальные академии в конце XVIII в. были двух категорий. К первой категории относились те из них, которые не имели официального статуса. Они пользовались правом регулярно проводить свои заседания и обсуждать на них любые вопросы, лишь бы при этом не было прямой критики католической религии и правительства и не подрывались основы христианской нравственности. Автор «Универсального словаря полиции» адвокат Дез Эссар считал подобного рода академии объединениями друзей, имевших сходные вкусы и общие развлечения. Названия этих объединений были самыми разными, помимо академий они назывались музеями, клубами, ложами, литературными обществами.

Деятельность академий другой категории санкционировалась королевскими патентами, которые регистрировались парламентами. Таким образом они становились как бы составной частью французского государства. Государственный Совет, министры, магистраты могли обращаться к ним официально за консультацией. Мнение этих академий имело силу заключения законом признанного учреждения, авторитетного в той или иной области науки.

В словаре Дез Эссара названо 27 «официальных» провинциальных академий и приравненных к ним литературных обществ. Хотя все они в своем внутреннем устройстве следовали образцу парижской Академии наук, некоторые имели существенную специфику, в том числе с точки зрения их социального состава и рода занятий. Академия Арля допускала в свои ряды только дворян и к тому же обязательно уроженцев города; академия Ла Рошели выделялась своим прагматизмом, ее члены занимались почти исключительно вопросами торговли. Академия наук, искусств и изящной словесности в Шалоне-на-Марне посвятила себя разработке юридических проблем, подготавливала пересмотр уголовного кодекса.

Самыми крупными и влиятельными были академии Суассона (основана в 1674 г.), Бордо (1712), Лиона (1724), Марсея (1726), Тулузы (1694), Дижона (1749), Нанси (1750), Безансона, Грe-нобля, а также Королевское научное общество Монпелье (1707). В последние десятилетия старого порядка росла численность членов академий. Так, периодическое издание академии Руана назвало в 1744—1750 гг. 180 членов этой провинциальной академии, в 1751—1770—400, в 1771—1780 — 430. Многие из академий с 1750 г. все более проникались философическим духом, осмеливались присуждать премии вольнодумным сочинениям.

Негоцианты, банкиры, мануфактуристы сравнительно редко сами принимали участие в работе академий или литературных обществ, не блистали в салонах. Но они видели определенный смысл во всех этих формах гражданской жизни и тратили деньги, поддерживая их.

Деятельность торговых палат определялась королевскими ордонансами, что не означало полного подчинения этих профессиональных органов королевской администрации. Наоборот, по целому ряду вопросов они могли выступать как группы давления, добиваясь принятия нужных им решений. В некоторых городах торговые палаты частично осуществляли функции муниципалитетов, обеспечивая необходимые условия для торговой деятельности: следили за порядком на пристанях, санитарным состоянием складов и надежностью охраны, а во время военных действий даже снаряжали конвои для защиты торговых судов. В обращениях торговых палат к центральной власти причудливым образом переплетены требования свободы торговли и защита собственных старых привилегий, свободе в немалой степени препятствовавших.

3. НА ПУТИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Общественный класс обретает реальность как феномен национальной жизни после того, как теоретическая идея, утратив элитарный эзотеризм, становится достоянием масс, а экономические условия существования класса столь определяются, что будут осознаны людьми. Но осознание увязанности индивидуальных экономических интересов с экономическими интересами тысяч других людей приходит чаще всего через политику, когда класс силой обстоятельств вступает в столкновение с враждебными ему социальными группами; именно тогда он становится активным действующим лицом исторического процесса. Но массы мобилизуются на политическое действие вождями и партиями. Возникает вопрос: класс, не имеющий политической организации, является ли он классом?

Партии как реальность политической жизни и как слово, обозначающее политическую группировку, известны во Франции по меньшей мере с эпохи позднего средневековья. Но религиозно-политические партии XVI в., «партии» фрондеров и мазаринистов 1648—1652 гг., различного рода придворные «партии» — все они не были партиями в современном научном значении этого слова. Партия в буржуазном обществе — это политическая иерархически построенная организация, имеющая идеологическую доктрину, отстаивающая интересы определенной социальной группы (групп), автономная по отношению к государству и церкви. Существование подобного рода партий предполагает наличие гарантированной законом и стабильно соблюдаемой политической свободы. Государство эпохи старого порядка допускало различного рода личные, корпоративные, местные, сословные вольности. Политической свободы как таковой оно просто не знало. Политикой можно заниматься только в той степени, в какой допускал это официальный статус индивида. Возникавшие «партии» имели строго определенное место в государственной системе. Лидер такой «партии» должен был обязательно иметь статус первого ранга в официальной иерархии: никак не ниже принца крови, герцога или кардинала. Соответственно эти «партии» не имели доктрин, выходящих за рамки официальной. Сам тип духовного единства общества не допускал возникновения политических теорий, оппозиционных по отношению к официальной доктрине, освященной авторитетом церкви. «Партии» состояли из вождей и их клиентелл, принцип верности заменял принцип единомыслия. Между типом традиционных «партий» старого порядка и первыми политическими объединениями буржуазии, безусловно, есть взаимосвязь, но роль ее в процессе формирования стабильных партий, характерных для буржуазного общества, очень невелика.

Этот процесс во Франции растянулся почти на два века. О генезисе партийной системы в XIX в. написано довольно много работ. Но сам генезис начался не в XIX в. и даже не в годы Великой буржуазной революции, а еще в эпоху старого порядка.

По мере развития рыночных отношений во Франции явочным порядком устанавливалась и политическая свобода. Ее не санкционировали, но допускали. Абсолютистское государство оказалось достаточно гибким, чтобы дать развиваться гражданскому обществу, но исключительно косным в плане самореформирования. В итоге страна развивалась, а государство постепенно с большим опозданием под нее подстраивалось либо путем запоздалого официального признания уже давно сложившегося статус-кво, либо путем несоблюдения собственных же архаичных законов.

В подобной обстановке в гражданском обществе зародились объединения, имевшие довольно абстрактную философско-политическую программу. Ведь французское Просвещение всегда было в конечном счете ориентировано на политику. Энциклопедисты и физиократы имели хотя и очень аморфную, но действенную форму организации и не традиционных, «статусных», а интеллектуальных лидеров. Постоянство контактов просветителей в значительной степени было связано с коллективной издательской и публицистической деятельностью. Таким образом, мы видим здесь форму политического объединения, характерную для XIX, а отнюдь не XVII в. Конституировавшаяся в 1767 г. школа, или, как называли ее враги, секта физиократов, издавала ежемесячник «Гражданский календарь» с подзаголовком «Национальная библиотека моральных и политических наук».

«Экономисты, — писал о физиократах Башомон, — претендуют на открытие системы, которая будет призвана уничтожить все существующие принципы управления государством ради создания совершенно нового порядка вещей». Характерно, что труды физиократов воспринимались современниками не столько как авторские сочинения, сколько как выражение точки зрения определенной группы и ее признанного лидера Ф.Кенэ. Уже в годы революции К.-Г. де Малерб вспоминал о том впечатлении, которое производила школа физиократов: «Тогда несколько литераторов увлеклись идеями Гурне (оставим на совести Малерба суждение о том, что физиократы увлеклись идеями Гурне, во многих отношениях его идеи были противоположны физиократической доктрине. — Е.К.), одни с пылкостью их пропагандировали, другие стали их развивать в объемных и солидных трудах. Но на этом они не остановились, несколько простых истин они объявили новой наукой и стали ее излагать, прибегая к загадочному, малопонятному стилю, проводили собрания, называли себя сектой, а Кенэ ее верховным учителем... Эти достойные люди, столь исполненные рвения к общественному благу, считали, что истина нуждается в защите партии.

Точно так же энциклопедистов воспринимали как определенное единство, в том числе организационное. В речи, ненадолго сделавшей его знаменитым, генеральный адвокат парижского парламента О.Жоли де Флери говорил: «Общество, государство и религия предстали теперь перед судом справедливости, чтобы принести ему свои жалобы... Нечего скрывать от себя, что имеется определенная программа, что составилось общество для поддержания материализма, уничтожения религии, внушения неповиновения...» <...> Авторы «Энциклопедии» занимали различные посты в государственном аппарате.

Когда Тюрго стал в 1774 г. генеральным контролером финансов, это не было победой «партии», но победой определенного направления безусловно. Вполне в духе новых времен Тюрго привел с собой в министерство не людей из своей клики или клиентеллы, а единомышленников и просто опытных технических работников, поднаторевших в своем деле администраторов. Среди них наиболее заметными фигурами были П.-С.Дюпон де Немур, А.-Н.Кондорсе и А.Морелле, все трое — авторы «Энциклопедии», а первый к тому же один из активнейших физиократов. Они впоследствии разделили и опалу Тюрго.

К началу 80-х годов XVIII в. на смену группам, насчитывавшим десятки, в лучшем случае сотни людей, которых называли энциклопедистами, философами, экономистами, пришло столь же мало оформленное, но гораздо более широкое общественное движение. Неизвестный автор, написавший предисловие к «Секретным мемуарам» Башомона, так резюмировал это превращение: «Сначала энциклопедисты усовершенствовали метафизику, внося в нее ясность, — лучшее средство для рассеяния мрака, которым окутала се теология, — уничтожили фанатизм и суеверие. За ними следовали экономисты: занимаясь преимущественно вопросами морали и практической политики, они искали средства сделать народы более счастливыми, укрепляя общественные узы путем взаимных услуг и лучше поставленного обмена и побуждая человека к изучению природы. Наконец, время смут и гнета породило патриотов, которые, восходя к источникам закона и форм правления, доказали взаимность обязанностей подданных и государей и установили великие принципы».

«Патриоты», «партия патриотов», «национальная партия» — о них все больше говорили в стране. Но чисто политические объединения вплоть до лета 1788 г. не создавались. Политикой, финансовыми операциями, наукой, литературой занимались с одинаковым рвением и часто одни и те же люди. Время профессионализации политики еще не пришло. Сфера политики, эта форма самоотчуждения гражданского общества в эпоху полностью утвердившегося капитализма еще оставалась, с одной стороны, растворенной в самом гражданском обществе, с другой — вознесенной над ним в традиционные институты государства в соответствии с нормами старого порядка.

В начале 80-х годов весь светский Париж, медицинский факультет Сорбонны, Академия наук, парламент обсуждали проблему животного магнетизма, открытие доктора Месмера. С целью пропаганды идей Месмера была организована подписка и образовалось общество, получившее название Ложа. (Что только не называли ложей в те годы!) Советник парламента Дюваль д'Эпремениль, граф Шастене-Пюисегюр, граф Максим де Пюисегюр, лечащий врач графа д'Артуа (брата короля) доктор д'Элон, адвокат Н.Бергасс — наиболее заметные фигуры этого общества. На почве месмеризма произошло знакомство и сближение Н.Бергасса и Ж.-П.Бриссо, звезд публицистики тех лет.

Создать ли новую ассоциацию в целях ликвидации рабства или пропаганды идей заезжего афериста и шарлатана от науки, опубликовать ли самого скандального характера памфлет, открыть ли общественную подписку — все было возможно во Франции в 80-е годы. Честолюбцы политического склада предпочитали объединяться на почве месмеризма или защиты черных невольников. В Обществе друзей чернокожих встречались Лафайет, Мирабо, Бриссо, Карра, Серизье, Бергасс. Часть этих же лиц (Лафайет, Карра, Бергасс, Бриссо) регулярно посещали политический салон банкира Корнманна, там же часто бывали д'Эпремениль, Ж.Петион де Вильнев, Э.Клавьер, Горса и М.Робеспьер.

От политических разговоров к выработке политических планов в полной мере перешли лишь с июля 1788 г., с момента обнародования постановления Государственного совета, в котором французам предлагалось высказывать свое мнение о лучших способах сделать созываемые Генеральные штаты «действительно национальными по своему составу и по результатам». Теперь уже «партия» патриотов не довольствовалась салонами и двусмысленными объединениями. Осенью 1788 г. стали возникать клубы, куда входили люди, стремившиеся делать политику. Самым известным и влиятельным был Конституционный клуб или, как его иначе называли, Общество, собиравшееся у Дюпора. Его членами являлись Мирабо, Лафайет, Кондорсе, Дюпон де Немур, Редерер, Талейран, герцоги де Бирон, Ларошфуко, Люин, Омон — либералы всех оттенков, в том числе те, кто в первые же месяцы революции окажутся консерваторами. Их сближала оппозиционность старому порядку. Вопрос, каким быть новому, все еще оставался второстепенным в политической борьбе. Прежде чем спорить о будущем, надо было расчитаться с прошлым.

Конституционный клуб не был единственным: в одном из ресторанов Пале-Рояля собирался клуб под председательством аббата Морелле. В своей «Истории Учредительного собрания» А.Ламет упоминает законспирированное Общество Вирюфле. Клубы налаживали связи с провинцией, занимались переизданием и распространением брошюр. Будущие политики революции завоевывали известность в стране и в среде парижской элиты еще до того, как революция разразилась.

Формирование класса буржуазии проявлялось и в том, что шел процесс выработки форм политической организации класса, отбирались и обучались политическому искусству первые политические вожди французской буржуазии.

Но обеспечить гегемонию в обществе класс буржуазии мог, лишь выступив представителем общенациональных интересов, представителем интересов большинства. На какой идеологической, точнее, мифологической основе буржуазия могла объединиться с массой трудящегося люда? Ответ дала сама королевская власть.

Термин «буржуа» тяготеет к обозначению социального феномена, а термин «третье сословие» — к обозначению феномена политического в той мере, в какой политическое и социальное расчленилось при старом порядке.

Обретение сословиями политической роли было связано с развитием государства, а точнее, королевской власти, являвшейся в средние века, по существу, единственной формой воплощения государственной идеи.

Изначально институт сословий не имел политического характера. Происхождение сословий восходит к древнему разделению труда: одни молятся, заботятся о душах ближних; другие защищают страну, воюют; третьи занимаются производительным трудом. В XI в. это разделение труда было осмыслено и освящено авторитетом церкви.

Но о первоначальном смысле сословного деления вплоть до XVIII в. почти никогда не вспоминали. Дальнейший прогресс разделения труда заставил забыть о его наиболее архаических формах, которые, оставаясь самоочевидными и официально санкционированными, долгое время не побуждали к их теоретическому рассмотрению. Лишь возникновение благодаря капитализму представления об абстрактном труде подтолкнуло к переосмыслению очевидного.

Экономические обоснования сословного деления плохо согласовывались с политической реальностью и потому оказались забытыми. Возникшие в XII—XIII вв. сословные учреждения: провинциальные и Генеральные штаты, сословные собрания герцогств, графств, виконтств — не допускали в свой состав крестьян. Крестьяне не обладали даже минимальным и фиктивным представительством, которое гарантировалось им во многих других странах Европы (особенно в ее северной части). Вещать о том, что сословие непривилегированных составляют те, кто трудится, или землепашцы (как говорили Адальберон в X в. и Жерар из Каморе в XI в., в эпоху Людовика XIII или Филиппа Красивого), было по меньшей мере неуместно. Даже само словосочетание «третье сословие» появилось лишь в конце XV в., когда была изменена система

представительства на Генеральных штатах. До 1484 г. депутаты прибывали на Генеральные штаты по персональным приглашениям короля. В 1484 г. впервые была введена система выборов по судебным округам, баляжам, тогда же впервые на Генеральных штатах были представлены депутаты от «третьего сословия», а не от «добрых городов», как ранее.

В XVI-XVII вв. депутаты избирались на сословных ассамблеях баляжей. Депутатами третьего сословия являлись прежде всего королевские чиновники. Среди 187 представителей третьего сословия на штатах 1614-1615 г. 121 человек – члены судебных присутствий, баляжей и сенешальств, 18 человек – муниципальные чиновники, 8 – чиновники провинциальных штатов, 30 – адвокаты, всего лишь один земледelec, один богатый крестьянин и два торговца. 41 депутат владел сеньерией, а 31—даже дворянским званием; правда, это было дворянство такого рода, что истинные дворяне не считали его обладателей своими. В 1614 г. анобли-рованные включались в списки избирателей третьего сословия.

Третье сословие обрело реальность национального существования преимущественно во время политических кризисов. Королевская власть, лишь оказываясь в сложном положении, превращала политико-юридический фантом в плоть, слова и действия депутатов Генеральных штатов. Гораздо большей стабильностью отличалось существование третьего сословия в локальном масштабе. В пограничных, так называемых «иностранных» провинциях Франции провинциальные штаты продолжали регулярно созываться и в XVII, и в XVIII в. Из числа крупных провинций до конца старого порядка штаты сохранили Бургундия, Бретань, Лангедок; в Провансе провинциальные штаты были преобразованы в ассамблею общин, которая состояла почти исключительно из представителей третьего сословия.

Генеральные штаты — высшая форма реализации сословного принципа организации общества. В то же время реальное политическое значение Генеральных штатов в системе старого порядка было минимальным. В XVIII в. вплоть до 1789 г. они вообще не созывались, а на протяжении XVI и XVII вв. созывались всего четыре раза — в 1560—1561 гг., 1576—1577, 1588—1589, 1614 — 1615 гг.; в годы Фронды было объявлено о созыве Генеральных штатов, но то был лишь маневр королевской власти, представители сословий так и не собрались, хотя выборы во многих баляжах в 1649—1651 гг. прошли и были составлены указы от сословий. В 1614 г. третье сословие едва успело о себе заявить как о политическом образовании, как Генеральные штаты оказались распущенными.

Во время Фронды третье сословие из всех сословий наименее активно пыталось самоорганизоваться. Поднимался вопрос о созыве Генеральных штатов вскоре после смерти Людовика XIV. Но эту идею высказывали либо побочные сыновья почившего короля, отстаивая свое право на престолонаследие, либо лица из ближайшего окружения регента, обеспокоенные тяжелым финансовым положением королевства. Третье сословие на эти разговоры никак не откликнулось. Во время глубокого политического кризиса 1751 г. о Генеральных штатах заговорили уже не только в залах и кулуарах Версаля и дворца Пале-Рояль. За введение управления посредством провинциальных и Генеральных штатов высказывались и в публичных местах. Этими идеями, как с изумлением отмечал маркиз д'Аржансон, оказались пропитаны даже буржуа. Изумление маркиза очень характерно. Политическая пассивность третьего сословия стала настолько привычной, что интерес буржуа к вопросам управления страной казался неслыханной новостью. Политические инициативы исходили от парламентов, аристократии либеральных бюрократов, наконец, от просвещенческой интеллектуальной элиты, которая долго еще отнюдь не будет отождествлять себя с третьим сословием.

Политическая инертность чаще всего объясняется особенностями социального бытия. Данный случай не исключение.

Проблема сословного неравноправия длительное время осознавалась как факт личного порядка. Если в XVII в. и задумывались о ее решении, то в сугубо индивидуальном ключе — применительно к себе. Каждый недовольный решал ее, исходя из своих личных возможностей. Наиболее активные, энергичные члены третьего сословия тем или иным путем приобретали дворянское звание. Дворянство усиливалось, третье сословие ослаблялось, статус-кво сохранялся. Проблема эта, по сути своей политическая, не мыслилась как таковая, успешно переводилась в план социальный и даже индивидуальный. Всеобщность ее выявилась только с подъемом национальной гражданской жизни в эпоху Просвещения, когда и сама проблема личности обрела универсальный характер.

С другой стороны, еще незадолго до революции проблема дворянства стояла гораздо более остро, чем проблема эфемерного, как в ту пору казалось, третьего сословия. Третье сословие было всем и ничем. Мы привыкли к этой формуле Сийеса, интерпретируя первую ее часть в социально-экономическом плане, вторую — в политическом. Но в начале 80-х годов XVIII в. третье сословие и

как социальный феномен еще мало что собой представляло. Следует отметить, что реальной социальной наполненностью оно никогда не отличалось, обладая не внутренней связью, а внешней оформленностью. Третье сословие представляло собой единство преимущественно в качестве отрицательной субстанции. Числившихся в его рамках буржуа, торговцев, мелких чиновников, ремесленников, крестьян, бродяг, нищих, контрабандистов ничто не объединяло, кроме сознания, что все они не дворяне и не священнослужители.

Аграрно-корпоративная экономика в XVII — первой трети XVIII в. все еще успешно противостояла интегрирующим тенденциям рынка. Партикуляризм общественной жизни удавалось преодолевать лишь эпизодически и в локальном масштабе. Буржуа и торговцы объединялись с простым людом в тех или иных массовых выступлениях не под сословными, а местническими знаменами. В то же время дифференциация внутри третьего сословия была очень значительной, осознанной и декларируемой. Автор «Трактата о дворянстве», опубликованного в 1678 г., некто Ля Рок, выделял, к примеру, в среде неблагородных три категории: почтенных, обывателей и чернь. Почтенные имеют призвание к существованию более высокому, чем обычное. Они занимают самые почетные должности в муниципалитетах. К ним относятся городские нотабли и буржуа, живущие на ренты. Вторая категория — обыватели, или мещане; их род занятий не столь благороден, но и не содержит в себе ничего низменного. В нее автор включил, в числе прочих, членов шести наиболее привилегированных торгово-ремесленных цехов Парижа. К последней категории — к «подлым и презренным» — отнесены все лица, занятые механическим, т.е. физическим, трудом. Подобного же рода градации встречаются и в других трактатах XVII в.

Финансовые трудности заставляли и корольское правительство дробить третье сословие на имущественные классы.

Но, пожалуй, еще больше, чем вертикальная разобщенность, единству третьего сословия вредила разобщенность горизонтальная: корпоративный и местнический партикуляризм. Находясь в 70-е годы XVIII в. на посту генерального контролера финансов, Тюрго писал в секретном докладе королю: «Нация — это общество, состоящее из различных, слабо соединенных сословий и народа, между членами которого существует очень мало связей, и где, следовательно, каждый занят только своими частными интересами. Заметного общего интереса нет нигде. Села, города имеют так мало взаимных отношений, как и округа, к которым они причислены. Они не могут даже вступать между собой в соглашения для производства необходимых им общественных работ...»

Социальный распад третьего сословия продолжался необратимо, и это было одним из проявлений, в частности, формирования класса буржуазии, ее все большего разрыва с народными массами. Стачки, продовольственные волнения обнажали несовпадение жизненных интересов нанимателей и наемных рабочих, покупателей и оптовых торговцев. «Мучная война» 1775 г. показала глубокий раскол в крестьянской среде: батраки, беднота, крестьяне средней руки громили хлебные амбары, нападали на дома и усадьбы зажиточных фермеров.

И все же эти внутренние будничные проблемы не дорастали до масштабов национальной проблемы. Ни буржуа, ни лица свободных профессий, ни сами предприниматели не задумывались всерьез об угрозе снизу. Любая же несправедливость, шедшая сверху, воспринималась чрезвычайно болезненно. На всю жизнь запомнила мадам Ролан, будущая жирондистка, как в юности, приглашенная в дворянский замок, она была допущена только до буфетной. С годами не изгладилось у А.Барнава воспоминание детства, как аристократ выставил его мать из театральной ложи.

Когда правительство утвердило в 1781 г. устав, по которому разночинцы не могли получать в армии чин поручика, а чин капитана допускался только для дворян в пятом поколении, это вызвало бурю возмущения. Граф Сегюр вспоминал впоследствии: «Это повеление умными людьми всех классов признавалось мерой не своевременной, неприличной, совершенно не соответствующей духу времени и одной из наиболее существенных причин того всеобщего неудовольствия, которое предрасполагало умы к революции». Другая мемуаристка, госпожа Кампан, отмечала еще более резко: «Нужно принадлежать к почтенному третьему сословию, чтобы понять злобу или, вернее, отчаяние, которое вызвал этот закон... Несправедливость и нелепость этого закона были одной из побочных причин революции». Государство будто решило возратить третье сословие из социального небытия, чтобы потом наделить его и политическими функциями.

С 5 июня 1788 г., со дня обнародования постановления о созыве Генеральных штатов и начала избирательной кампании, третье сословие стало быстро обретать социальную плоть, социально-психологическое единство и политическую форму. Буржуазным элементам в значительной мере благодаря единодушным с ними лицам свободных профессий, прообразу интеллигенции, удалось осуществить духовную гегемонию в национальном масштабе. Возник грандиозный идеологический миф третьего сословия и о третьем сословии. Он выполнил свою

политическую функцию и исчез навсегда. Буржуазия сумела использовать старинную оболочку для самоконституирования и мобилизации масс и затем быстро ее отбросила за ненадобностью.

Социология часто оказывается беспомощной там, где политэконом уверенно теоретизирует, располагая теми же самыми данными. Тюрго, устанавливая экономическую характерологию капиталистического класса, по существу доказал наличие всех предпосылок для конституирования предпринимателей в класс, а социологам и теперь, более 200 лет спустя, чрезвычайно трудно определить степень сформированности класса буржуазии на исходе старого порядка. Безусловно, налицо было типологическое единство предпринимателей, но не в плане их психологической похожести, а в принятии ими всеми без исключения (исключение ведет к прекращению предпринимательской деятельности) определенного ценностного кода, культурных императивов, которым они подчинялись, особо не задумываясь. Макс Вебер свел сущность этих императивов к принципу рациональности. Он писал: «В конце концов создателями капитализма были: рациональное постоянное предприятие, рациональная бухгалтерия, рациональная техника, рациональное право; но даже и не они одни: мы должны отнести сюда рациональный образ мысли, рационализирование образа жизни, рациональную хозяйственную этику».

Принцип рациональности действительно свойствен буржуазному сознанию как некий недостижимый, но постоянно искомый идеал. И в самом общем виде он остается неизменным вот уже на протяжении трех веков.

Мы привыкли вносить в понятие рациональности позитивный оценочный момент. Рациональность же холодна и нейтральна и служит любому хозяину, который ею располагает. Она может служить как максимальному извлечению прибылей, так и уничтожению системы, которая обеспечивает их получение.

Деловых людей Франции конца XVIII в., рациональных в очень высокой степени, возмущал слишком традиционный и неразумный старый порядок. Его неразумность была тем более очевидна, что доказательством ее занимались лучшие умы Франции, а неблагодарный труд доказывать, что старый порядок был во многом рациональным и не так уж плохо выполнял многие из своих функций, никто на себя не брал.

Буржуазия вместе со всем французским обществом шла к революции и вместе почти со всем обществом она ее не хотела.

Ведь революция — дело нерациональное.

¹ См.: *Бирнбаум П., Берук Ш. и др.* Французский правящий класс. М., 1981; *Sherkaoni M.* Problemes de mesure des classes sociales: des indices de statut aux lodeles d'analyse des rapports de classe // *Revue francaise de sociologie.* 1977. Т.2.

² *Perrot J. Cl.* Rapports sociaux et villes au XVIIe siecle // *Annales ESC.* 1968. Т.2. Р. 245.

³ Смутное ощущение необходимости вычлнить иные социальные группы, не сословия при осуществлении экономического анализа общества приходило уже к талантливейшему французскому экономисту начала XVII в. Монкретьену. Он объединял в одну группу всех тех, кто «содержится в одном качестве имеет сходство в образе жизни, в привычках, склонностях, действиях и в статусе» (*Perrot J. Cl.* Op.cit. Р 245).

⁴ См.: *Кенэ Ф.* Избр. экон. произв. М., 1960. С.360.

⁵ См.: *Маркс К; Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.24. С.405.

⁶ *Тюрго А.Р.* Избр. экон. произв. М., 1961. С.98.

⁷ Там же. С.99.

⁸ Там же. С.102.

⁹ Там же. С.122.

¹⁰ Там же. С.129.

¹¹ Там же. С.129—130.

¹² Там же. С.155.

¹³ Цит. по: *Perrot J.Cl.* Op.cit. Р.243.

¹⁴ *Atlas du commerce, dedie au Roi(Pub).* par M. Le Clerc, ecuyer, chevalier ie l'Ordre du Roi et par M. Le Clerc, fils, ecuyer. P., 1786. Р. 178.

¹⁵ Цит. по *Levy-Bruhl H.* Un projet de code de commerce a la veille de la revolution: Le projet Miromesnil: (1778—1789). P., 1932. Р.10.

¹⁶ Цит. по: *Черкасов П.П.* Генерал Лафайет. М., 1987. С.30.

- ¹⁷ *Agulhon M.* Le cercle en France bourgeoise. P., 1971. P.18; *Кожокин Е.М.* Французские рабочие от Великой буржуазной революции до революции 1848 г. М., 1985.
- ¹⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 26. С. 957—959.
- ¹⁹ *Crouzet F.* Angleterre et France au XVIII siecle: Essai d'analyse comparee de deux croissanees economique // *Annales ESC.* 1966. N 2. P.261—262; *Ronano R.* Document; e prime considerazione interno alia «balance du commerce» de la Francia del 1716 al 1780 // *Studi in onore du Armando Saporì.* Milan et Areze, 1957. T. 2. P. 1274.
- ²⁰ *Markovitch T.J.* L'industrie francaise de 1789 a 1964: Analyse des faits // *Cahiers de l'JSEA.* 1966. Mai. P.42—43.
- ²¹ *Leon P.* Structure du commerce exterieur et evolution industrielle de la France a la fin du XVIII" siecle // *Conjoncture economique: Structures sociales: Hommage a Ernest Labrousse.* P.; La Haye, 1974. P.412.
- ²² *Histoire economique et sociale de la France.* P., 1970. T. 2. P.613.
- ²³ *Mayer J.* L'armement nantais dans la deuxieme moitie du XVIII siecle. , 1969. P.90—91.
- ²⁴ *Histoire economique et sociale de la France.* T. 2. P. 613.
- ²⁵ *Palmade G. P.* Capitalisme et capitalistes francais au XIX siecle. P., 1961. P.18—19.
- ²⁶ См.: *Люблинская А. Д.* Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.- Л., 1965. С.119.
- ²⁷ *Монтескье Ш.* Избр. произ. М., 1955. С.433.
- ²⁸ *Encyclopedic methodique.* T.2. P.1—2. Цит. по: *Carriere Ch.* Negociants marseillais au XVIII siecle: Contribution a l'etude des economies maritimes. P., 1973. T.1. P.243.
- ²⁹ *De Boisilsle.* Correspondance des controleurs generaux des finances avec les intendants des provinces. P., 1875. T.2. P.482; *Carriere Ch.* Op.cit. T.1. P.240.
- ³⁰ Цит. по: *Carriere Ch.* Op.cit. T.1.
- ³¹ *Daumard A., Furet F.* Structures et relations sociales a Paris aux XVIII siecle. P., 1961. P. 28, 31—32.
- ³² В «Совершенном коммерсante» Савари писал: «Всякий человек согласится, что оптовая торговля более почетна, чем розничная. Оптовая торговля ведется не только ротюрье, но и дворянами, но только оптовая! Так как в розничной есть что-то сервильное, в то время как крупной торговле присущи лишь благородство, приличие и порядочность».
- ³³ *Meyer J.* Op.cit. P. 91.
- ³⁴ *Histoire economique et sociale de la France.* T.2. P.610—611
- ³⁵ *Dictionnaire de l'academie francaise.* P., 1762. T.1. P.925.
- ³⁶ История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л., 1978. С.139—140.
- ³⁷ *Chaussinand-Nogaret G.* Les financiers de Languedoc aux XVIII" siecle. P., 1970. P.287.
- ³⁸ *Leon P.* Op.cit. P.407.
- ³⁹ В словарях XVIII в. даются противоречивые истолкования слова «мануфактурист». К примеру, в столь авторитетном издании, как «Универсальный словарь торговли», мануфактурист определяется следующим образом: «Человек, который учредил и создал мануфактуру, стал ее хозяином, руководит ее деятельностью, обеспечивает работой занятых на ней ремесленников. Эти ремесленники также называются иногда мануфактуристами, но чаще их называют рабочими-фабрикантами» (*Savary des Brulons.* Dictionnaire universel de commerce. Geneve, 1750. T.2. P.1219).
- ⁴⁰ *Histoire economique et sociale de la France.* T.2. P.618.
- ⁴¹ *Vidalenc J.* Quelques remarques sur le role des Anglais dans la Revolution industrielle en France, particulierement en Normandie de 1750 a 1850//*Annales de Normandie.* 1958. N 3. P.275.
- ⁴² *Soboul A.* La societe francaise dans la seconde moitie du XVIII siecle: Structures sociales et modes de vie. P., 1969. P.177.
- ⁴³ *Ibid.* P. 179.
- ⁴⁴ *Ibidem.*
- ⁴⁵ Вплоть до революции продолжал действовать торговый кодекс 1673 г., и хотя, безусловно, на протяжении более чем ста лет после его принятия коммерческое право не оставалось во Франции неизменным, многие чрезвычайной важности вопросы требовали решения на совершенно иной основе, чем та, что была разработана Савари, автором кодекса. В частности, необходимо было изменить нормы, касавшиеся создания акционерных обществ, пересмотреть круг компетенции торговых судов. Еще в начале XVIII в. в годы Регентства, королевские власти обратились с предложением к Торговой палате Нормандии высказать соображения по поводу торгового кодекса. Синдики палаты не преминули представить его развернутую критику, но соответствующие решения так и не были приняты (*Leuy-Bruhl H.* Op.cit. P.8).
- ⁴⁶ См.: *Лучицкий И.В.* Аграрные отношения накануне революции в окрестностях Парижа//Журнал министерства народного просвещения. 1916. № 6; *Адо А. В.* Крестьяне и Великая французская революция: Крестьянское движение в 1789—1794 гг. М., 1987. С.39—64; *Люблинская А. Д.* Французские крестьяне в XVI—XVIII вв. Л., 1978. С.110—178; *Goubert P.* Beauvais et la Beau-vaiais de 1600 a 1730. P., 1960; *Deyon P.* Contribution a l'etude des revenus fonciers en Picardie: Les fermages de l'Hotel-Dieu d'Amiens et leurs variations de 1515 a 1789. Lille, s. a.

- ⁴⁷ Адо А. В. Указ. соч. С. 40.
- ⁴⁸ Brunei P. Structure Agraire et Economic rurale des plateaux tertiaires ent-re la Seine et l'Oise. Caen, 1960. P. 284, 290.
- ⁴⁹ De Serres O. Theatre d'agriculture et mesnage des champs. P., 1804. Т.1. P.184—204; Люблинская А.Д. Указ.соч. С.176.
- ⁵⁰ Цит. по: Moriceau J.-M. Les vice-rois des campagnes? Autour des quelques dynasties de fermiers-laboureurs XVI-eme — XIX-eme siecles//Annales historiques compiegnoises. 1985. N 31. P.12.
- ⁵¹ Д. Дессер, лучший знаток в мире французских финансистов конца XVII — начала XVIII в., считает, что совмещение банковской и финансовой деятельности чрезвычайно редко практиковалось во Франции старого порядка. Его точку зрения разделяет Н. Е. Колосов (*Dessert D. Argent, pouvoir et societe au grand siecle*. P., 1984; *Колосов Н. Е. Французский абсолютизм и финансисты в свете новейших исследований//Французский ежегодник: 1985. М., 1987*).
- ⁵² Histoire economique et sociale de la France. Т. 2. P. 631.
- ⁵³ Luthy H. La Banque Protestante en France de la Revocation de l'Edit de Nantes a la Revolution. P., 1961. P. 251, 259—262.
- ⁵⁴ Memoires de Laffite. P., 1937. P.1.
- ⁵⁵ Dictionnaire economique. P., 1740. Т.1. P.31.
- ⁵⁶ Ibid. P.32.
- ⁵⁷ Dictionnaire universel de commerce. Geneve, 1750. Т.1. P 564.
- ⁵⁸ См.: *Колосов Н.Е. Абсолютная монархия во Франции XVI—XVIII веков. Л., 1984. Ч.2. С.19.*
- ⁵⁹ *Chaussinand-Nogaret G. Op cit. P.261.*
- ⁶⁰ *Furetlere A. Le dictionnaire universel. La Haye et Rotterdam, 1690 (Reed. P., 1978).*
- ⁶¹ Правда, этого права парижские буржуа дважды лишались в 1692 и в 1708 гг. (*Marion M. Dictionnaire des institutions de la France aux XVII et XVIII" siecles. P., 1923. P.52*).
- ⁶² *Vovelle M. Ville et campagne au 18^e siecle: (Chartres et la Beauce). P., 1980. P.138; Marion. M. Op. cit. P.52.*
- ⁶³ *Lottin A. Chavatte, ouvrier lillois un contemporain de Louis XIV. P., 1979. P.13.*
- ⁶⁴ *Pierrard P. Lille et les lillois. P., 1967. P.32.*
- ⁶⁵ Цит. по: *Carriere Ch. Op.cit. Т. 1. P.248.*
- ⁶⁶ Dictionnaire des proverbes francais. Francfurt, 1750. P.45.
- ⁶⁷ См., к примеру: Dictionnaire de l'Academie francaise. P., 1762. Т.1. P.203.
- ⁶⁸ *Perdiguier A. Memoires d'un compagnon. Moulins, 1914. P.84.*
- ⁶⁹ *Daumard A., Furet F. Structures et relations sociales... P.34—35; Vovelle M. Ville et campagne... P.139.*
- ⁷⁰ *Vovelle M. Op. cit. P.139.*
- ⁷¹ Cahiers de doleances du baillage de Troyes et du baillage de Bar-sur-Seine pour les Etats Generaux de 1789. Troyes, 1909. Т.1. P.24—25.
- ⁷² Cahiers de doleances de la senechaussee d'Angouleme et du siege royal de Cognac pour les Etats Generaux de 1789. P., 1907. P.474—475.
- ⁷³ *Vovelle M. Op. cit. P.141—142.*
- ⁷⁴ *Daumard A., Furet F. Op.cit. P.34.*
- ⁷⁵ Ibid. P. 34—35, таблица «Fortunes des menages».
- ⁷⁶ *Грамши А. Избр, произв. М., 1859. Т.3. С.464.*
- ⁷⁷ *Mornet D. Les origines intellectuelles de la Revolution francaise: (1715— 1787). P., 1934. P.145.*
- ⁷⁸ Oeuvres completes de Diderot. P., 1876. Т. 10. P.379.
- ⁷⁹ La franc-maonnerie orleanaise au XVIII" siecle//Annales historiques de la Revolution francaise. 1969. N 197. P. 426.
- ⁸⁰ *Pouthas Ch.-H. Une famille de bourgeoisie francaise de Louis XIV a Napoleon. P., 1934. P.72, 74—75.*
- ⁸¹ *Guiral P., Amargier P. Histoire de Marseille. (P.), 1983. P.187, 192.*
- ⁸² *Soboul A. La franc-maonnerie et la revolution francaise//La Pensee. 1973. N 170. P.23.*
- ⁸³ *Vovelle M. La chute de la monarchic. P., 1972. P.85.*
- ⁸⁴ *Gaxotte P., Tulard J. La revolution francaise. P., 1975. P.75.*
- ⁸⁵ *Des Essarts. Dictionnaire universel de police. P., 1786. P.8.*
- ⁸⁶ Ibid. P.9—14.
- ⁸⁷ В конце XVII в. в провинции было всего 6 академий (*Mornet D. Op. cit. P.145*).

- ⁸⁸ *Marion M.* Dictionnaire des institutions de la France aux XVII et XVIIIe siècles. P., 1923. P.3.
- ⁸⁹ *Mornet D.* Op cit. P.146.
- ⁹⁰ *Roche D.* Le siècle des lumières en province. Academies et academiciens ,provinciaux 1680—1789. P.; La Haye, 1978. T.1. P.151—165.
- ⁹¹ *Carriere Ch.* Op.cit. T.1. P.227—230.
- ⁹² *Weulersse G.* Le mouvement physiocratique en France de 1756 a 1770. P., 1910.
- ⁹³ *Bachemont.* Memoires secrets. T.3. P.299; *Weulersse G.* Op. cit. P.137.
- ⁹⁴ Цит. по: *Weulersse G.* Op.cit. P.139—140.
- ⁹⁵ Цит. по: *Рокэн Ф.* Движение общественной мысли во Франции в XVIII ;веке: 1715—1789 гг. Спб., 1902. С.228.
- ⁹⁶ *Proust I.* Diderot et l'Encyclopedia. P., 1962. P.23—27.
- ⁹⁷ *Фор Э.* Опала Тюрго. М., 1979. С.84—101.
- ⁹⁸ Цит. по: *Рокэн. Ф.* Указ. соч. С.320.
- ⁹⁹ *Nicolas Bergasse, avocat au parlement du Paris, depute du tiers e fat de la senechaussee de Lyon aux Etats Generaux: (1750—1832).* P., 1910. P.29.
- ¹⁰⁰ Бриссо писал в своих мемуарах об этом салоне: «Невозможно подсчитать замыслы всех памфлетов, зародившихся там; в 1787—1788 г. из этого очага вышли почти все антиправительственные брошюры, и надо воздать должное Корнманну, который потратил часть своего состояния на их опубликование» (*Brissot. Memoires. T.2. Ch.XXXVI*).
- ¹⁰¹ *Nicolas Bergasse, avocat...* P. 39.
- ¹⁰² *Egret I.* La pre-revolution francaise 1787/1788. P., 1962. P.326—330.
- ¹⁰³ *Lameth A.* Histoire de l'Assemblee constituante. T.1. P.34—36, en note; *Egret J.* Op.cit. P.330—331.
- ¹⁰⁴ Согласно католической традиции первыми идею троичного деления общества сформулировали епископы Адальберон и Жерар из Камбре (*Duby G. Les trois ordres ou l'imaginaire du feodalisme. P., 1978*).
- ¹⁰⁶ *Bulst N.* Vers les etats modernes: le tiers etat aux Etats generaux de Tour en 1484//Representation et vouloir politiques: Autour der Etats generaux de 1614. P., 1982. P.12—13.
- ¹⁰⁷ *Mousnier R.* La plume, la faucille et le marteau. P., 1970. P.216.
- ¹⁰⁷ См.: *Пименова Л.А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С.31.
- ¹⁰⁸ *Formes observees en 1649 et pendant les annees suivantes pour l'election et la deputation de certains citiens du baillage de Rouen aux Etats generaux du Royaume. S.1., s. a.; Mousnier R., Labatut I. P., Durand Y.* Problemes de stratification sociale: Deux cahiers de la noblesse: 1649—1651. P., 1965; *Major Russell I.* The Deputies to the Estates General in Renaissance France. Westport, Connecticut, 1974.
- ¹⁰⁹ *Рокэн Ф.* Указ.соч. С.9.
- ¹¹⁰ Там же. С.158.
- ¹¹¹ *Richef D.* Autour les origines ideologiques lointaines de la Revolution francaise: elites et despotisme//Annales ESC. 1969. N 1. P.6—7.
- ¹¹² *Godefroy D.* Abrege des trois Estats. P., 1682; *Menestier.* Les diverses especes de noblesse. P., 1685.
- ¹¹³ Цит. по: *Токвиль А. де.* Старый порядок и революция. М., 1905. С.125.
- ¹¹⁴ См.: *Коробочко А. Е.* Из истории социальных движений во Франции в первой половине XVIII в.//Французский ежегодник: 1965. М., 1966; *Лотте С. А.* «Республиканское» сословие: (Из истории французского предпролетариата XVIII века)//Французский ежегодник: 1960. М., 1961; *Она же.* Рабочий вопрос в Лионе накануне революции: (По поводу одного конкурса, объявленного аббатом Рейналем) // Французский ежегодник: 1962. М., 1963; *Bonnassieux P.* La question des greves sous l'Ancien regime. P., 1882; *Kaplow I.* The Names of Kings the parisian labouring poor in the eighteenth century. N.Y., 1972.
- ¹¹⁵ *Bouton C. A.* Les victimes de la violence populaire pendant la Guerre des iarmes//Mouvements populaires et conscience sociale. P., 1985. P.391.
- ¹¹⁶ *Furef F., Richet D.* La Revolution francaise. P., 1973. P.38.
- ¹¹⁷ Цит. по: *Рокэн Ф.* Указ. соч. С.425.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ *Вебер М.* История хозяйства. Пг., 1923. С.221.

Рекомендуемые публикации по теме:

Р.Дарнтон. Анатомия литературной республики: досье инспектора полиции (глава из книги «Великое кошачье побоище и другие эпизоды французской культуры»)

http://enlightment2005.narod.ru/papers/darn_lit_rep.htm